Мыловарня леди Мэри

Автор:
Алёна Цветкова

Мыловарня леди Мэри

Алёна Цветкова

Я всю жизнь мечтала жить как нормальные люди: семья, дети, работа… Но не смогла даже нормально умереть. Вместо полета к свету, кинулась в сторону и оказалась в другом мире в теле юной девушки, потерявшей разум много лет назад во время болезни. И вроде бы мне наконец-то повезло, теперь я молода, красива, богата и собираюсь выйти замуж за соседа-барона… Но не все так просто, как кажется. И даже за право жить мне придется побороться…

Алёна Цветкова

Мыловарня леди Мэри

Пролог

Умерла я внезапно. Даже понять ничего не успела. Вроде бы вот только что шла по парковке возле торгового центра, как вдруг очутилась в темном узком тоннеле. Низкий потолок, мягкие упругие и какие-то желейные стенки, пружинящий под ногами пол… Жуткое место.

Я оглянулась. Конец тоннеля за моей спиной тонул в кромешной мгле, холодной и страшной, как в детстве тьма родительского шкафа. И тьма, казалось, звала, но ее зов звучал так пугающе, что хотелось бежать от нее без оглядки.

А впереди как спасение виднелся свет, яркий и теплый, который манил, обещая свободу, радость и счастье… Я сделала шаг вперед. И мгновенно забыла, как я умерла… Второй шаг заставил меня забыть о том, как я оказалась здесь… И я снова остановилась.

Как-то неправильно. Я не хочу забывать. Я хочу все помнить. Мама всегда говорила мне, что я упертая, как ослица. И сейчас моя внутренняя подруга категорически не хотела идти в ту сторону.

Сколько времени я стояла, замерев на месте, не знаю. Минуты, часы, годы или столетия. Время в тоннеле двигалось как-то неправильно, рывками, то разгоняясь, то замедляясь почти до полной остановки.

Я никак не могла принять решение. Куда идти: во Тьму или к Свету?

И вдруг откуда-то справа услышала тихий отчаянный шепот-плач:

– Маруся… Маруся… бедная моя девочка…

Так меня называла только мама. И она совершенно точно не желает мне зла. Я изо всех сил рванула в сторону голоса и со всего маху врезалась в упругую, но мягкую, как желе, стенку тоннеля, разрывая ее в клочья. Мама, я иду!

Глава 1

Та-а-ак! Мыло порезано, упаковано и разложено по коробкам. Подарочные пакеты, ленты, бусины и прочий декор – на месте. Мелочь – в кошельке. А значит, я готова к завтрашней ярмарке. Чуть не забыла последнюю деталь. Достала из сумки визитки, сегодня допечатала еще один тираж.

Красивые они у меня, в эко-стиле. Фон светло-коричневый под крафт-бумагу, сбоку темно-коричневое дерево с редкими листиками на ветках и такого же цвета надписи: «эко-косметика», «Иванова Мария» и номер телефона. Очень мне нравился такой дизайн, лаконичный и в тему.

Завтра День России и традиционно намечаются массовые городские гулянья: концерты, выставки, ярмарки… Вот и наших организаторов тоже настоятельно уговорили поучаствовать. Мол, отказаться вы, конечно, можете, но вам потом к нам приходить по поводу аренды площади в сквере в центре.

Городок у нас небольшой, ссориться никому не резон. И нам, рукодельницам, тоже. Так что завтра, в среду, вместо того чтобы гулять по городу и отмечать День России, будем работать. Хотя я не расстроилась. Семьи у меня нет: мама много лет лежала, болела сильно, вот я, как самая младшая, за ней и ухаживала. Уколы, таблетки, массаж… Думать о себе некогда было. А уж найти мужчину, который разделил бы со мной заботы о маме, вообще было нереально. Так и жила.

В свободное время рукоделием занималась. Вязала, шила, а лет пять назад увлеклась мыловарением. Да так основательно, что все остальное забросила.

И когда до нашего городка докатилась мода на хенд-мейд, я была одной из первых мастериц, предложивших свои изделия покупателям. Доход не ахти какой, но хотя бы на закупку сырья и материалов я свою зарплату больше не тратила.

Может, если бы больше времени уделяла, то и заработать смогла бы… Вон наши девочки в интернете группы вели, по всей России рассылали свои работы. Но для меня мыловарение так и осталось всего лишь хобби.

Страшно же… А работа у меня основательная, стабильная: с девяти до шести, оклад и соцпакет. Никаких тебе забот о будущем, обо всем позаботилось государство. Я в пенсионном фонде трудилась в отделе персонифицированного учета. Тяжелая работа, внимательность нужна, но и зарплата неплохая по меркам нашего городка. На мыле я бы столько не заработала. Я же не бизнесмен какой-нибудь…

Эх… Чуть не забыла! Тортик нужно! У меня же день рождения послезавтра… Сороковник уже. Надо с девочками-рукодельницами отметить, чай с тортиком попить. Да, я знаю, заранее нельзя, а сорок лет вообще не отмечают, но мы же в двадцать первом веке живем, чтоб в дурацкие приметы верить.

Сунула ноги в шлепанцы и за тортиком побежала. У нас магазинчик открыли, прямо с крыльца вход. Очень удобно.

Ярмарка прошла слабо: народа вообще не было. Лето, жара. Все за городом на шашлыках да на речке. Зато мы с девочками, помимо чая с тортиком, еще конфетками с ликером угостились. На троих две коробки слопали… Да и черт с ним. Зато весело.

Когда вечером собиралась, уже голова маленько кружилась и смешинка в рот попала. А таксист, как назло, остановился на другой стороне площади у торгового центра. Но ничего, коробочка у меня легкая, донесу…

Разбудил меня сырой утренний холод. Вставать не хотелось, я еще не выспалась, поэтому подтянула одеяло, накрываясь с головой, и сжалась в комочек. Теплее не стало. Одеяло какое-то слишком тонкое. И я как будто бы не дома… Не может же быть такой сквозняк в моей квартире.

Я высунула нос наружу. В воздухе ощущалась осенняя промозглая сырость и даже явно пахло грибами, навозом и деревней. Будто бы я засиделась на крыльце нашей дачки с книжкой и заснула прямо там. Твердый и холодный деревянный пол под попой подтверждал мою догадку. Я уже почти успокоилась и, зевнув, решила попробовать поспать еще. Чувствую же, что утро совсем раннее. Обычно я после конфет с ликером так рано не встаю… Мамочки мои! Какая может быть дача, если я вчера была в городе?! И какая может быть осень, если только вчера было лето?

Я открыла глаза… Закрыла… Открыла снова… Ничего не изменилось. Я на самом деле уснула на деревянном крыльце. Но не на дачке, а в какой-то крепости… Что, черт возьми, происходит? Я не помню, чтобы мы с девочками-рукодельницами собирались на экскурсию… Нет. Чай с тортом, конфеты с ликером, ярмарка закончилась, и я вызвала такси и поехала домой.

Что?! Я даже подпрыгнула на месте… Потом же было еще кое-что… Воспоминания-вспышки… Автомобиль, летящий по дороге мимо торгового центра… И беспечно улыбающаяся я с коробкой, которая закрывает обзор… Удар… И я только успела заметить, как кусочки мыла взлетают в воздух… Я умерла…

Но я жива. Жива? Или нет? Я ничего не понимала. Удивленно огляделась вокруг. Это явно не площадь торгового центра и даже не больница…

Огромный двор, темно-серый холодный камень стен, растоптанная и раскисшая грязь дорожек, бегущих от крыльца к дверям каких-то деревянных хозяйственных построек, высокие глухие крепостные стены, закрывающие половину мрачного, в тон камням, низкого осеннего неба. Запах навоза, грибов, плесени и сырости мне тоже не приснился…

Что это? Где я?!

– Маруська, – раздался рядом негодующий голос. Я вздрогнула от неожиданности и неловко повернулась. Почему какая-то посторонняя и совершенно незнакомая безобразно толстая женщина в затасканном и вымазанном в грязи по подолу одеянии монашки называет меня так, как раньше называла только мама? – Опять ты на крыльцо выперлась. Только ж хворать перестала, всем монастырем за тебя молились. А то осерчал бы папенька твой, коль померла бы. Васка! – крикнула она, оглянувшись назад, в темную дыру входа. – Забирай свою малохольную! Опять на крыльце спала!

– Маруся, – раздался в темноте входа за моей спиной самый родной и близкий голос, – деточка, пойдем я тебя в кроватку уложу, одеяльцем накрою. Папенька нескоро еще приедет… еще недельку подождать надо, деточка…

Она говорила еще что-то… Но я не слышала. Глазам стало горячо, слезы текли по щекам сами. Я так хотела повернуться и увидеть ту, что говорила. И в то же время до одури боялась это сделать. Вдруг это просто голос… Не мама…

– М… ма… – смогла я прошептать онемевшими, непослушными губами, – ма…

– Опять замычала, – хохотнула толстая женщина, – вот что деньги, Васка, делают. Даже такая дурища замуж выходит.

– Ты, Ирка, не болтала бы, – ответила Васка голосом моей мамы, – пойдем, деточка, – она взяла меня за локоть, мягко и нежно. Как раньше…

– М…м-ма… – снова попыталась позвать ее, но все мышцы одеревенели от холода и не слушались… И даже челюсть как будто бы заклинило.

Васка накинула на меня одеяло, накрывая с головой, и прижала к себе.

– Ты б ее привязывала, что ль, – протянула задумчиво Ирка, – а то ведь холодно уже. Помрет еще, тебе потом господин барон голову открутит. Матушка так и делала, за ногу к кровати привяжет – и на целый день по своим делам. А то б до восьмнадцати лет не дожила бы эта убогая…

– Не собака ж она, на привязи-то сидеть, – вздохнула Васка и повела меня через открытые настежь, несмотря на холод, тяжелые дубовые двери монастыря, – дите несчастное…

– Да уж как же! – Ирка все ворчала и не могла успокоиться. – Что ж несчастная? Сейчас вон замуж за барона выйдет и заживет припеваючи. Лекарь сказал, детям болезнь-то не передается, так что деток нарожает, и все хорошо будет.

Я не поняла… Они про меня, что ли?!

Васка вела меня в неизвестном направлении вглубь здания, беспрестанно причитая, обнимая и кутая в грязное лоскутное одеяло, которым я укрывалась на крыльце. Я пыталась стянуть с себя вонючую тряпку, но не получалось. Руки не слушались и только едва заметно трепыхались вдоль тела. Я пыталась остановиться, но ноги шли сами. Пыталась закричать, но не могла разомкнуть челюсти. Все тело скручивало болью, и все было таким зыбким… Как будто бы ненастоящим. Больше всего хотелось упасть и исчезнуть. Все, что происходило сейчас, не могло быть правдой. И только объятия Васки удерживали меня в сознании… Мне хотелось увидеть ее лицо. Больше всего на свете.

Шли мы медленно, Васка сильно хромала и беспрестанно кряхтела, было видно, что передвигаться ей тяжело.

А я никак не могла поверить в то, что все реально. Слишком сильно это было похоже на затянувшийся ночной кошмар, который продолжается, стоит закрыть глаза.

– Ну вот и пришли, – Васка, скрипнув тяжелой дверью, завела меня в каменную комнату. Здесь было ничуть не теплее, чем на крыльце, и усадила на кровать. – Ох, Маруся, как же ты выросла. Вот папенька-то обрадуется. А через недельку он за тобой приедет, заберет тебя из монастыря. И поедешь ты домой, деточка, замуж выходить. Хорошую партию тебе папенька устроил. Соседа нашего сын. Ты его уж, наверное, и не помнишь? А вы же играли вместе, пока ты, деточка, не заболела. А меня папенька твой отправил присматривать за тобой. Уж так я его просила, умоляла все эти годы позволить в монастыре с тобой жить. Да матушка отказывала. Говорила, что пагубна излишняя забота, Господь не велел.

А я наконец-то смогла стянуть с головы одеяло, мельком оглядела комнату, или, скорее, келью. Узкий каменный мешок с низкой деревянной кроватью и сундуком. Окно-бойница, в которое скудно просачивался свет с улицы, наполовину заткнутое тряпьем, чтоб сильно не дуло. Лучина с обгоревшим кончиком, вставленная в щепку возле проема в каменной стене, занавешенного грубой тканью, заменяющей дверь. И сырость. Вездесущая сырость, от которой все углы покрылись пушистыми пятнами противной черной плесени… И я чувствовала стылую влагу грязной и пропахшей застарелым потом постели… Да, я бы тоже лучше спала на крыльце, чем на этом…

Я посмотрела на Васку, говорившую голосом моей мамы. Лица снова не было видно, только тощий зад склонившейся над громоздким деревянным сундуком старухи в длинном, до пола, темно-коричневом платье из довольно грубой материи. На голове серый от множества стирок платок, на поясе грязный фартук… Все тоже явно не первой свежести, не новое и неопрятное…

– Ма… ма… – выдавила я из себя, – ма-ма…

Челюсти так до сих пор и не отошли. Вообще, все тело ощущалось каким-то чужим и непослушным, как будто я отсидела его целиком. И теперь мурашки больно бегали по всем мышцам, сведенным судорогой.

Васка, энергично перебиравшая какие-то тряпки, при звуке моего голоса замерла. А потом медленно поднялась и наконец-то повернулась. И, конечно же, это была не она. Не моя мама. Глупо было надеяться.

Я будто снова потеряла ее. Стало так больно, слезы хлынули, размывая реальность. Но Васка все поняла по-другому.

– Ма-аруся, – резко прижала она руку к сердцу, – Марусенька… ты помнишь? Помнишь меня, маму-Васку?

Она кинулась ко мне, повалилась на колени, обхватывая за талию, и разрыдалась.

И я не нашла сил сказать, что приняла ее за другого человека. Просто подняла руку и положила на спину старухе. Хотела погладить, но руки еще не отошли от онемения и не подчинялись моим желаниям.

А Васка плакала и благодарила Бога за чудесное исцеление любимой девочки…

Глава 2

Васка плакала, а я думала. Все слишком реально, чтобы быть сном, бредом или какой-либо галлюцинацией. Даже щипать себя не надо, чтобы проверить, сон это или нет, все тело болело нещадно. Значит, закрыв глаза на логику и здравый смысл, следует принять то, что является реальностью: я в другом мире. Я, черт возьми, попаданка.

Никогда, кстати, не любила читать подобные сказки, хотя слышала. Но, наверное, в силу возраста, никто из моих немногочисленных подруг, коллег и знакомых ничем таким не увлекался…

Но теперь я на собственном опыте могу прочувствовать все прелести попаданской судьбы. И вот что мне теперь делать? Жаль, я ничего не читала, хотя бы знала, что может грозить попаданкам в другом мире.

А мне, кажется, грозит замужество за неизвестным мне типом. И это плохо. Нет, я, конечно, замуж хочу, но не за какого-то левого мужчину, которого в глаза не видела. Так что папочке-барону придется сначала нас познакомить. Мой опыт взрослой незамужней женщины говорит о том, что нельзя быть слишком переборчивой. Если тебя выдают замуж, то стоит как минимум приглядеться к жениху и уже потом принимать решение…

И еще… Я, конечно, не видела себя в зеркале, но уверена, что попала я сюда не целиком. Ну, то есть попала моя душа в тело этой странной девочки Маруси, которую привязывали к кровати, чтобы она не сбегала, которая мычала и не умела говорить и вообще была «убогой дурищей», как говорила толстая монахиня Ирка. Хотя, если судить по тому, что я услышала, это были последствия болезни в детском возрасте, а не врожденные дефекты. Что же… Похоже, мое странное онемение имеет вполне логическое обоснование. Скорее всего, у девочки… То есть у меня теперь, какое-то органическое поражение мозга. И, надеюсь, мне удастся с ним справиться. Опыт есть… Все же я много лет имела дело с маминым Альцгеймером…

Сейчас это самое главное. Через неделю мне уезжать из монастыря, и я должна владеть своим телом настолько, чтобы убедить папеньку в возможности чудесного излечения. Если надо будет, прикинусь набожной и истово верующей. А значит, вот и вторая задача: узнать побольше про веру. Вряд ли она совпадает с православием нашего мира. Хотя я и его-то не особенно знаю.

И именно Васка – мой шанс. Потому что, во-первых, любит ту Марусю, душа которой покинула это тело. И, уверена, ради нее, то есть уже меня, она пойдет на что угодно. И, во-вторых, она приехала в монастырь накануне и впервые за много лет. А значит, ее появление станет событием в жизни Маруси, то есть меня, которое послужило спусковым крючком для выздоровления. Зато никто не удивится, что я ничего не знаю…

Нехитрый план на неделю был составлен, и я приступила к тренировкам. Запущенное тело отчаянно сопротивлялось, но я упорно сжимала и разжимала руки и ноги. На большее меня пока не хватало. И без того боль от упражнений была такая, что я ночами кусала уголок подушки, чтобы не орать. Мне нужен был массаж. Настоящий профессиональный медицинский массаж, чтобы заставить работать непослушные конечности, а не поглаживания верной мамы-Васки. А лучше реабилитационный центр. Там я бы в два счета встала на ноги.

Хорошо хотя бы голова работала как часы. И словоохотливая, бесконечно счастливая от того, что любимая деточка вдруг выздоровела, мама-Васка тараторила без умолку, неосознанно снабжая меня наиважнейшими сведениями. От нее я и узнала, что здесь меня зовут Мария Львовна, в прошлом месяце мне исполнилось восемнадцать. Маменька моя померла родами, оставив безутешного отца и крошечную слабенькую девочку. Тогда-то мой папенька, господин барон Васильев Лев Алексеевич, нанял маму-Васку кормилицей и

нянькой для любимой доченьки. Баловал он ребенка изрядно, позволяя абсолютно все, очень уж девочка напоминала ему умершую жену Катеньку.

До трех лет все шло прекрасно, девочка росла и развивалась в соответствии с возрастом. Но внезапно заболела черной горячкой и почти померла. Когда болезнь отступила, оказалось, что она забрала с собой разум ребенка, и девочка превратилась в абсолютно безмозглое существо, которое с трудом обучили элементарным правилам гигиены. Доктора, которых папенька выписывал из столицы, в один голос твердили, что разум поврежден безвозвратно. И лучшее, что отец мог сделать для дочери, – отправить ее в монастырь Святой Елены, где находили приют такие вот убогие дети.

Так он и поступил. Из лучших побуждений, конечно. Мама-Васка говорила, что папенька сначала ездил каждую неделю в надежде, что храм отмолит меня, а потом все реже и реже. Потому что перестал надеяться.

А месяц назад к нему обратился сосед с предложением о браке со мной. Папенька дал согласие. Еще бы. Я его прекрасно понимаю. Единственная дочь и наследница в таком состоянии, что выбирать не приходится. И через неделю, на следующий день по возвращении в имение, у нас помолвка. И мне уже страшно… Что же такое с этим соседом, что он прельстился на бедную Марусю? Страшный как смерть? Хромой, косой? Посмотрим… Как говорится, с лица воду не пить. Лишь бы человек был хороший.

Неделя пролетела в один миг. Но за такой короткий срок я добилась поразительных результатов. Все же повреждения коры головного мозга, скорее всего, были не так значительны, как казалось сначала. И, возможно, Маруся при должном уходе и обучении смогла бы жить обычной жизнью, но больным ребенком никто не занимался.

А вот чудесное выздоровление матушка не преминула записать на счет монастыря.

Ко мне потянулись сначала монахини, потом родители детей, нашедших приют в этой скорбной обители, потом высшее храмовое начальство в виде самого падре.

И если матушка мне не понравилась своим настойчивым желанием сделать из меня дрессированную обезьянку, которая по приказу встает, ходит и говорит на

потеху публике, то падре неожиданно пришелся по душе.

Невысокий, пухленький, с коротенькими толстенькими ручками и ножками и круглым животиком, натягивающим рясу до предела, он весь лучился весельем и добродушием, больше подходящим детскому доктору, чем пастору. Хотя не могу не признать, в этом что-то есть. Может быть, пастор и должен быть добрым доктором для своей паствы?

– Маруся, – говорил он, мягко грассируя, – дочь моя, ты меня понимаешь?

– Д-да, – ответила я. Волновалась так, что челюсти снова онемели. Но мне было важно убедиться, что люди способны воспринимать меня дееспособной. Все же мама-Васка совсем не объективна, – п-пад…р-ре…

– Ох, падре, – мама-Васка всхлипывала, вытирая глаза старым застиранным платочком, – все понимает… что ни скажи… чудо, падре, чудо Господь послал! Совсем ведь плоха деточка была. А сейчас…

– Пад-ре, – снова вмешалась я, чтобы мама-Васка не успела наговорить лишнего, – я все понимаю. Только говорить тяжело немного… И… падре, я хотела бы научиться молитвам. Я ни одной не помню…

Заикаясь в каждом слове, я все же произнесла эту фразу практически без заминок. Не зря тренировалась.

– Похвально рвение твое, дочь моя, – радостно закивал падре, – я попрошу матушку, чтобы лично занялась тобой. Да укрепится вера наша в Господа после чуда дарованного, – обмахнул он себя рукой. Вроде перекрестился, но как-то странно.

Мы поговорили еще. Он с интересом расспрашивал меня о самочувствии. Мне даже врать не пришлось. Сказала, что ничего не помню из прошлой жизни Маруси, осознала себя в тот момент, когда услышала голос мамы-Васки. Довольный падре потрепал меня по голове, сказал, что очень рад возвращению моего разума, и отбыл, приказав обучить меня всему, чему только можно.

Матушка не посмела ослушаться, и всю неделю меня заставляли учить молитвы и жития святых. Религия здесь оказалась очень похожа на нашу. Особенно для меня, ведь я и у себя не особенно вдавалась в нюансы и тонкости веры. Есть Господь Бог, есть храмы и монастыри, иконы и свечи, есть матушки и падре, есть молитвы… Только Бог один, без всяких «отца, сына, и святого духа», и символ веры не крест, а спираль, которую и обозначают расслабленной кистью правой руки пятью точками по часовой стрелке, начиная со лба и заканчивая в солнечном сплетении. Но я по привычке так и говорила – креститься, потому что здесь это называлось – обозначить движение к центру, к просветлению и мудрости, к бесконечному познанию себя и Бога…

Но что мне особенно понравилось: Бог этого мира не считал, что жена должна безропотно повиноваться мужу. Когда я задала матушке этот вопрос, она даже не сразу поняла, что я спрашиваю. И это давало надежду на равенство полов и в светской жизни.

Чем ближе был отъезд, тем больше я волновалась. Я уже неплохо двигалась, правда, левая сторона слушалась намного хуже правой, из-за чего я довольно сильно хромала, и еще до сих пор с трудом говорила. Боль немного стихла, и теперь мышцы ныли скорее от непривычной нагрузки, чем от болезненных судорог.

За всю неделю я так ничего не узнала о том мире, что таился за стенами монастыря. Матушка и монахини говорили со мной исключительно о религии, мама-Васка причитала, что я и так слишком напрягаюсь, и наотрез отказывалась рассказывать что-либо.

– Сама скоро увидишь, – говорила она, поджав губы, – совсем бедную девочку замучили. Не хватало еще, чтоб до дурноты заучили… только оклемался ребенок…

И спорить с ней было бесполезно.

Наконец настало утро отъезда. Я немного волновалась, но все прошло хорошо. Хотя в бричке без рессор, которую за мной прислал папенька, меня растрясло с непривычки довольно сильно.

Пока ехали, я заметила, что флора и фауна этого мира не отличается от нашего. Та же пожухлая трава, голые деревья, заросли камыша вдоль берега ленивой болотистой речушки… Те же лошади, коровы… Такие же люди, встреченные нами по дороге. Только тут явно глубокая старина, средние века какие-то. Ни тебе телеграфных столбов, ни асфальта на дороге, ни транспорта, кроме гужевого… То бишь лошадей всех мастей и размеров.

Нашего кучера звали Трофим, и они с Ваской всю дорогу болтали, а я, укрывшись толстым войлочным одеялом поверх подбитой шерстью накидки, заменяющей осеннее пальто, и притворившись спящей, слушала да на ус мотала. Оказывается, все не так хорошо, как Васка мне говорила. Папенька мой уже который месяц не встает, и в имении с середины лета командует сосед – мой будущий муж.

Он тоже барон, но из обедневшего рода. Всех богатств только усадьба да деревенька. Поэтому и служит судьей в нашей области. И мой папенька уже много раз отказывал ему в настойчивом желании породниться. Только когда стал совсем плох, согласился. Побоялся оставлять меня совсем одну.

Я даже посмеялась над собой. Думала, в сказку попала, молодой красавец-барон женится на слабоумной соседке… Ага… Не иначе по большой любви.

Нет. Все просто. Поместье. Я единственная дочь и наследница огромного состояния, даже если судить по количеству земель, принадлежащих моему отцу. Они начинались сразу за стенами монастыря и тянулись по обе стороны дороги.

И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что жениться на мне – выгодно. А с учетом состояния прежней Маруси, очень выгодно. Если бы дело было в нашем мире, я бы сказала, что кто-то решил прибрать к рукам мое наследство, обеспечив мне самой своевременный уход… В мир иной.

И что-то уже не нравится мне идея с этой свадьбой. Как-то сомневаюсь я, что люди здесь сильно отличаются от тех, что в нашем мире. А значит, надо держать ушки на макушке. Хорошо, что меня никто не воспринимает в качестве угрозы.

Усадьба наша оказалась поистине огромной. Я даже поначалу подумала, что это городок какой. Но нет. Это было наше фамильное гнездо: большой старинный замок с хозяйственными постройками, окруженный настоящей крепостной

стеной.

– Нравится, Марусенька? – улыбнулась мама-Васка. – Эту крепость твой пра-пра-прадед строил. Когда последняя война закончилась, король пожаловал ему эти земли. От монастыря до самой границы.

– Нравится, – ответила я честно. Да у меня просто дыхание в зобу сперло. Это что же получается, все это мое?! Вот этот огромный замок – мой. Поля вокруг – мои. Черт возьми, но как всем этим управлять?! Аристократы учатся этому с самого детства, а я? – Мне надо поговорить с папенькой…

– Конечно, дочка, – мама-Васка счастливо улыбалась, – как приедем, так первым делом господина барона проведаем. Он тоже небось ждет не дождется… Вот рад-то будет, что ты в разум вошла…

Но мы не успели. Мой папенька, господин барон Васильев Лев Алексеевич, скончался в возрасте пятидесяти четырех лет рано утром семнадцатого октября 1480 года от явления Господа…

Глава 3

В замке нас встретила суета. Полным ходом шла подготовка к похоронам отца. Мой возможный жених уже чувствовал себя хозяином и раздавал указания, командуя прислугой, как полководец войском.

Высокий, мощный красавец-мужчина: черные волосы, синие глаза, волевой подбородок и большой хищный нос. Этот нос немного его портил, но он же придавал лицу моего возможного жениха особый брутальный шик.

Пожалуй, будь нос поменьше, поаккуратнее, получился бы смазливый мальчик, похожий на тех, что красуются на обложках модных журналов. Но сейчас, несмотря на явно молодой возраст, это был настоящий самец. Да, такой точно без женского внимания не останется.

И если мне придется выйти за него замуж, то за свою жизнь я не дам и ломаного гроша. Нет, будь я здорова, с ним можно было бы хотя бы договориться. Но не сейчас, когда этот наглый тип убежден, что я «убогая дурища»…

Он по-хозяйски расположился за столом в кабинете, который еще вчера принадлежал моему папеньке. И самое ужасное, что все окружающие, прислуга и даже мама-Васка воспринимали эту ситуацию как саму собой разумеющуюся. Черт возьми… Мне будет нелегко убедить этого типа, что я, несмотря на ужасную дикцию и хромоту, адекватна.

– Господин барон, – склонилась в поклоне Васка, – мы с Мару..ией Львовной прибыли из монастыря. Куда прикажете определить девочку? Лев Алексеевич говорил о смежных с ним покоях, но сейчас… – она многозначительно замолчала.

– Я уже приказал перенести вещи баронессы в детское крыло. Пока поживете там. И, Васка, девица под твоим присмотром. Чтоб никаких истерик и причуд. Комнат там достаточно, выход в сад есть, и во всем остальном доме я вас видеть не должен. Поняла? – Васка закивала, не разгибаясь. – Сходишь к лекарю, возьмешь успокоительное. Скажешь, я велел. Сегодня после ужина падре огласит завещание. Девица не должна никому мешать. Тихо посидите, пока падре читает, а потом уйдете. И переодень ее, она должна выглядеть и вести себя прилично.

– Да, – кивала беспрестанно Васка, – господин барон. Я все сделаю.

– И сама переоденься. Ты нянька при баронессе, а не дворовая девка. Поняла?!

Был, был соблазн вмешаться и приструнить этого типа. Пока завещание не оглашено, он здесь никто и звать его никак. Но язык прикусила, глазки в пол опустила и сделала вид, что не слышу ничего. Потому что возмущаться-то я могу. Но вот что делать, если этот хам уйдет и оставит командовать меня? А? Нет уж… Пусть пока так. Тем более я же не знаю, что там папенька мой в завещании написал. И полагаю, что ничего приятного для себя не услышу. Не успел он узнать, что изменилась дочь его… Так что, может быть, мне с этим хамом жизнь налаживать придется. Даже если сейчас я для него расходный материал, все может измениться.

А он кинул на меня мельком взгляд и скривился, как от лимона. М-да… Радости особой он от моей персоны не испытывает. Мягко говоря. Тяжело будет уважения его добиваться…

Но пока молчим и делаем вид, что все хорошо. Чтобы знать, как действовать, нужно сначала узнать волю покойного барона… Что же там папенька в завещании написал?

Оглашение завещания проходило в гостиной. Уже стемнело, и сейчас слуга шел впереди, держа в руках трехрожковый подсвечник и освещая нам путь горящими свечами. После лучины в келье монастыря свет казался необычайно ярким.

Я шла следом по узкому каменному коридору, поддерживая платье правой рукой и старательно вглядываясь в пол. Не хватало еще споткнуться. Другой рукой держалась за маму-Васку. Мне нужна трость, левая сторона тела отходила заметно хуже правой.

Папенька, пусть земля ему будет пухом, позаботился о Марусе. В сундуках полно было одежды и обуви, сшитой явно по моим меркам. А Васка пояснила, что каждые полгода папенька отправлял в монастырь портниху и сапожника снять мерки и заказывал мне полный сезонный гардероб по последней моде. У меня даже слезы на глаза навернулись. Что это, если не истовая надежда на чудо? Вера в то, что когда-нибудь его дочь вернется? И именно это вселило в меня смутную уверенность, что все будет хорошо… Не мог папенька не оставить ни единой лазейки на случай выздоровления дочери.

Но реальность превзошла мои ожидания. В этом мире роли душеприказчиков, нотариусов выполняли церковные служащие. И когда все собрались, в гостиную вошел тот самый падре, что приезжал в храм.

И он был единственным человеком из десятка присутствующих мужчин и женщин, который поздоровался со мной лично. Остальные не обратили на меня никакого внимания.

Зато я их хорошо рассмотрела, а мама-Васка шепотом подсказывала, кто здесь кто.

Вот этот высокий седой старик с надменным лицом и выцветшими белесыми глазами, в которых застыло равнодушное презрение, – мой будущий свекор, сосед-барон. Он, несмотря на преклонный возраст, занимал какую-то должность при дворе. И наведывался в свое поместье так редко, что соседи успевали забыть о его существовании. Но сейчас он, конечно же, примчался. Еще бы, сегодня его сын, которого он видел всего несколько раз в жизни, станет одним из богатейших людей страны.

Эта прилично одетая молодая пара – мой двоюродный брат со стороны отца, сын его сестры, граф Игнатов, с супругой Это очень знатный и богатый род, состоящий в родстве с нынешней королевой. Все наследство от моего папеньки меньше половины его состояния, но кто откажется увеличить свои богатства?

Еще были здесь родственники со стороны маменьки – мой дядя с женой. Их я рассмотрела совсем плохо, они притаились в самом темном уголке и молча ждали. Мама-Васка пояснила, что их уже много лет содержал мой папенька. Я прониклась было сочувствием к несчастным, но мама-Васка негодующе зашипела, что дядя мой весь в деда: кутила и картежник.

Кроме родственников и потенциальных родственников, на оглашение завещания пришли слуги из тех, что служили в баронстве поколениями: мажордом, экономка и личный лакей моего папеньки. Таких тоже принято поощрять, оставляя им небольшие суммы в наследство.

Падре встал перед нами, сложил ручки на животе, мягко улыбнулся, достал из кармана рясы конверт, запечатанный сургучной печатью, и прочитал надпись:

– Настоящее завещание составлено в присутствии меня, падре Аркадия, и двух свидетелей пятнадцатого октября 1480 года от явления Господа…

Удивленный вздох пронесся по комнате. Собравшиеся явно ожидали чего-то другого, и все взгляды мгновенно устремились ко мне… А падре улыбнулся еще шире и довольно подмигнул. Да, кажется, я поняла, в чем дело. И, кажется, всех ждет большой сюрприз. Завещание-то составлено два дня назад. И если падре при этом присутствовал…

Так и вышло. Нет, папенька не оставил все наследство мне, все же это было бы неосмотрительно. Но он сделал все, чтобы я получила шанс.

По велению моего отца, барона Васильева Льва Алексеевича, свадьба между мной и бароном Строгановым Михаилом Андреевичем откладывается до моего совершеннолетия. И если я в двадцать один год смогу сдать экзамен на гражданство, то стану полноправной наследницей всего состояния, за исключением незначительных сумм, которые достались верным слугам. В противном случае все имущество передается в собственность моему мужу – Строганову Михаилу Андреевичу, который к тому же становится моим опекуном до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один.

Звенящую тишину разрушил визгливый голос моей тетушки из темного угла:

– Да разве эта убогая способна чему-либо научиться? Все же знают, она с трудом научилась под себя не гадить!

– А вам, тетушка, эта наука до сих пор не далась, как я вижу, – неожиданно заступился за меня жених. – Спасибо, падре. Дорогие родственники, мы с Марией Львовной благодарны вам за сочувствие нашему горю… Сейчас вас проводят в ваши комнаты, и завтра после похорон вы можете отправляться по домам. А с вами, Мария Львовна, я хотел бы побеседовать. И с вами, падре. Пройдемте в кабинет…

Все сразу замолчали и послушно разошлись. А мы с мамой-Ваской направились в кабинет. Нет, мне определенно нужна трость.

– Мария Львовна, – падре любезно подал мне руку, взмахом руки отпуская Васку, – сегодня вы идете намного увереннее, чем в прошлый раз…

Мы как раз вошли в кабинет, и падре помог мне сесть на довольно высокий, украшенный вычурной резьбой деревянный стул. Мягкую мебель в этом мире еще не изобрели.

– Вы виделись с моей невестой, падре? – мгновенно отреагировал женишок на слова священника.

– Да, сын мой, – безмятежно улыбнулся падре, – возвращение души после черной горячки случается очень редко. Поэтому случай Марии Львовны и привлек внимание церкви. И мы, несомненно, будем следить за вашими успехами, дочь

моя.

Мне показалось, я услышала, как заскрежетал зубами мой будущий жених… А я даже прикрыла глаза, чтобы их блеск не выдал моего ликования. Если церковь будет наблюдать за мной, то избавиться от меня будет проблематично. Значит, теперь все зависит от меня. И я уж точно постараюсь и выгрызу зубами свое наследство из загребущих лап соседа.

– Спасибо, падре, – ответила я и мило улыбнулась жениху, – думаю, Михаил Андреевич поможет мне выполнить условия моего отца для получения наследства…

И вот тут я прокололась по-крупному. Поторопилась. Женишок честно попытался сдержаться, но не смог и захохотал, прикрывая рот рукой. Падре захихикал, мелко тряся животом:

– Ох, Михаил Андреевич, мы с вами совсем забыли, что, несмотря на внешность взрослой женщины, перед нами, по сути, ребенок. Не по годам сообразительный, но ребенок.

– Мария Львовна в три года удивляла своими рассуждениями, – кивнул Михаил Андреевич, он уже отсмеялся, и теперь только легкая краснота на лице выдавала проявленные недавно эмоции, – ей пророчили большое будущее. Мне было девять, когда она заболела, я помню…

А меня бросило в холодный пот. Я совсем об этом не подумала. Как хорошо, что я говорила очень мало, предпочитая слушать. А то вдруг у них тут инквизиция какая-нибудь есть… Черт возьми, какая же отвратительная ситуация. Как из нее выбираться…

– Я всегда делаю то, что мне велит папенька, – попыталась я исправиться…

– Дочь моя, ваше желание, конечно же, похвально, – кивнул падре, – но папенька вовсе не хотел, чтобы вы снова потеряли разум.

– Мария Львовна, процедура получения гражданства очень сложная. От кандидата требуется продемонстрировать очень большой объем знаний и

умений. Очень мало женщин способны пройти этот путь, даже если их готовили к этому с детства.

– Ваш жених говорит правильно, – падре кивал и кивал, как китайский болванчик, – ваш папенька всего лишь хотел, чтобы вы подтвердили свою дееспособность. И именно с этой целью было составлено подобное завещание, поскольку другого способа, кроме подачи заявления на гражданство, изменить ваше положение попросту нет.

Я все слышала. Все понимала. Но теперь боялась сказать лишнее слово. Одно дело – показать себя слишком умной один-два раза, это можно списать на случайность. И другое – постоянно демонстрировать, что я понимаю гораздо больше, чем должна…

– Думаю, падре, – задумчиво произнес мой жених, – девочка не совсем понимает, о чем мы говорим…

– Вам придется нанять учителей, – улыбнулся падре, – если вы хотите выполнить слово, данное Льву Алексеевичу…

– Разумеется… вы же сами заставили меня принести клятву Господу. Хотя, падре, это было не совсем честно. Вы уже знали, что дочь Льва Алексеевича пришла в себя.

– А что делать, сын мой, – развел ручки в стороны падре, – иногда и священникам приходится идти на хитрость. Вы же знаете, что получит церковь в результате успешного исхода?

– Вы о соглашении о передаче вам десятой доли всего состояния в случае возвращения дееспособности, подписанном пятнадцать лет назад?

– Верно, сын мой… верно… Я рад, что мы поняли друг друга…

– И как я понимаю, вопрос уже решен? Остались только формальности?

– С вами приятно иметь дело, сын мой, – мягко улыбнулся падре.

Глава 4

На следующий день, сразу поле похорон, разительно отличавшихся сдержанностью и умиротворенностью – плакать и выть в этом мире не принято – нас с Михаилом Андреевичем повели на помолвку.

На мой взгляд, странное сочетание мероприятий, но, наученная горьким опытом, я молчала. Да и вымоталась я, замерзла. Столько времени ходить и стоять без возможности присесть отдохнуть мне было трудно. И в часовню на территории замка я шла, сжав зубы, на одном упрямстве. Мама-Васка вздыхала, но не говорила ни слова.

– Трофим, принеси стул, – приказал мой женишок, когда мы вошли в холодную и сырую каменную комнату с иконами и спиралью вместо креста.

Трофим тут же исчез, а падре недовольно сверкнул глазами:

– Сын мой, сидеть в храме Господа кощунство.

– Бог простит, – пожал плечами хам, – я не хочу овдоветь раньше, чем жениться.

Он стянул с себя кафтан, одним движением обернул вокруг меня и слегка надавил на плечи, усаживая на стул, который услужливо подставил Трофим.

– Начинайте, падре…

Падре забормотал молитвы, жених стоял рядом, а я сидела на стуле, укутанная его заботой, и не понимала, что происходит. Он же сволочь, которая пытается завладеть моим наследством! Хотя да, в его интересах, чтобы я дожила до свадьбы. Иначе достанутся ему рожки да ножки, а не состояние. Так что не обо мне это забота, а о моих деньгах.

А то, что сердце стучит как одуревшее, румянец во всю щеку от запаха здорового мужского тела и жар желания опалил до самой души… Это всего лишь реакция тела, не более. Мне же теперь снова восемнадцать. Пубертат.

Помолвка оказалась очень долгой, я успела повторно замерзнуть и окончательно вымоталась. Если бы не Михаил Андреевич, который в какой-то момент прижал меня за плечо к себе, я бы, пожалуй, свалилась и со стула. Черт возьми… Мне постоянно приходилось напоминать себе, что все это делается не ради меня, а ради моего наследства. А то так хотелось проникнуться к нему теплыми чувствами. Но я держалась. Почти. И когда все закончилось, холодно поблагодарила и ушла в сопровождении недовольной мамы-Васки, которая ворчала, что я могла бы быть полюбезнее…

– Мама-Васка, – остановила я ее, – я не в восторге от предстоящей свадьбы и не собираюсь притворяться, что мне нравится жених. И уж тем более не буду любезной с человеком, который женится на мне ради денег.

– Вам придется быть со мной любезной, Мария Львовна, – встрял в нашу беседу Михаил Андреевич, хватая меня под локоток с другой стороны, – вы моя невеста, и я не потерплю показного пренебрежения. Я прощаю вам эту выходку только потому, что вы, вероятно, за время болезни растеряли все знания по этикету. Но это дело поправимое. Ваши учителя уже прибыли. С завтрашнего дня ежедневно с утра и до обеда у вас занятия.

– Можете не беспокоиться, – выдохнула я, не стараясь скрыть свое возмущение, – скандалы при всех устраивать не буду. Но не надейтесь на мою благосклонность.

– Меня это вполне устраивает, – холодно закончил разговор женишок, стирая, как ластиком, все набранные во время помолвки очки.

Со следующего дня начались занятия. Я готова была грызть гранит науки, но преподавали совсем не то, что казалось нужным мне. Этикет, молитвы, танцы, музыка, вокал и рукоделие, несомненно, очень интересные и необходимые каждой женщине предметы, но мне-то нужно было другое. И даже не только чтение и письмо, но математика, юриспруденция, экономика, политология… Полагаю, именно эти предметы необходимы для получения гражданства.

Но мой жених не был заинтересован в том, чтобы у меня что-то получилось.

Я попыталась пожаловаться падре, но… Падре погладил меня по голове, как маленькую девочку, и снова посмеялся над моими желаниями. Ему тоже не

нужно было ничего более статуса дееспособной.

Учитель по этикету, чопорная и худая до истощения пожилая женщина, похожая на англичанку-аристократку в сотом поколении, давно рассказала мне, что получение гражданства – двухступенчатая процедура, которую проходят все юноши и девушки в двадцать один год. После успешного прохождения первой ступени человек считается взрослым и дееспособным. И только потом, если желает большего, идет на вторую ступень.

При том, что формально в этом мире равноправие мужчин и женщин, фактически почти все девушки не являются гражданами. Их этому просто не учат, как я поняла. Этикет, музыка, танцы, молитвы и рукоделие – полный перечень предметов в процессе обучения девушек. И не все из них даже умеют читать.

Надо ли говорить, что меня это не устраивало совершенно… Я не собиралась отдавать свое состояние наглому соседу.

И через две недели после начала учебы решительно открыла дверь кабинета:

– Я хочу научиться читать, – заявила я с порога.

Бесцеремонно вошла и присела на тот же стул, что и в прошлый раз. За это время я окрепла еще больше и теперь ходила самостоятельно, опираясь на трость, которую по моей просьбе вырезал из дерева Трофим.

– Мария Львовна, вы откровенно плохо справляетесь и с тем, что вам уже преподают, – не поднимая глаз от кипы документов, ответил жених, – учителя жаловались на ваше нежелание заниматься.

– Я хочу научиться читать! – сверкнула я глазами. Возможно, был и другой способ изобразить из себя ребенка, но я не придумала ничего умнее, кроме как изводить учителей капризами. И только наедине с верной мамой-Ваской я позволяла себе быть собой. А она, если о чем и догадывалась, то молчала.

– Хорошо, – сжал губы в ниточку недовольный жених, – я сам буду учить вас. Два раза в неделю после ужина. Но если вы будете вести себя так же, как на

занятиях, или я увижу, что вы не справляетесь, мы навсегда закроем этот вопрос. Вы все поняли?

Я кивнула, сползла со стула и, обиженно надув губы, отправилась к себе.

Внутри я ликовала. Библиотека в замке огромная. И хотя книги по большей части были рукописные – оказывается, книгопечатание изобрели чуть больше полувека назад – это не делало знания, скрытые в них, менее ценными.

Михаил Андреевич сдержал слово. Он учил меня на совесть, а я старательно делала вид, что мне сложно. На самом деле читать я научилась буквально через несколько занятий, благо принципы написания слов в наших мирах были идентичны. Никаких тебе иероглифов, рун или клинописи. Одна буква – один звук.

Прочитав для тренировки несколько детских книжек, я начала искать информацию о требованиях для получения гражданства. Помимо теоретических знаний, требовалось на практике доказать способность руководить своим поместьем. И это был полный крах всех моих надежд… Если бы папенька был жив, у меня был бы шанс стать ему помощницей. Но сомневаюсь, что мой жених, он же опекун и управляющий поместьем, допустит меня до такой работы…

Мне нужен был другой способ… И я несколько дней ломала голову, думая, что предпринять.

– Мыла совсем мало осталось, – ворчала Васка, намыливая мне голову. Я сидела в горячей воде в большой лохани и снова думала о своих проблемах. – Говорила я Льву Алексеевичу, что фанкийского мыла больше нужно… теперь как бы до следующего лета дотянуть… пока купцы из Фанкии приедут…

– Мыло? – встрепенулась я. – Мама-Васка, а у нас, в Русине, разве мыло не варят?

– Варят, – она никак не могла успокоиться, – да вонючее оно… только для стирки и подходит… не стану я таким тебя мыть, Марусенька…

Какая разница, на чем доказывать свои возможности? Крупное предприятие ничем не хуже крупного землевладения. А если в моей стране так тяжело с

душистым мылом… Что же… Я смогу удовлетворить самый изысканный спрос.

– Мама-Васка, – завизжала я и, выпрыгнув из лохани, обняла старуху, – ты гений! Я открою мыловарню!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Это только кажется, что открыть мыловарню проще простого, если знаешь, как делать мыло. На самом деле адаптировать известную мне технологию варки мыла к местным реалиям – задача сложная.

Во-первых, здесь не было химических заводов, которые производят химически чистую щелочь. Да, как и любой мыловар, я знала о существовании и технологии производства поташа из золы, но поташ содержит в основном калиевую щелочь, которая используется для приготовления мягкого мыла. А мне нужен был гидроксид натрия… Но как заменить калий на натрий, я не знала.

Во-вторых, для расчета пропорции масел и щелочи я всегда использовала мыльный калькулятор из интернета. Здесь же такая роскошь мне была недоступна. А также лакмусовая бумага для определения PH мыла, термометр, миксер, электронные весы…

Сначала я решила попробовать пойти легким путем. Пробралась «тайком» на кухню, ко мне в доме относились как к ребенку, нагребла из печки золы, залила водой, выпарила полученный щелок, а потом смешала с маслом… Мыло получилось. Точно такое же, какое делали другие: мягкое, неприятного цвета и вонючее. А пигментов и ароматизаторов у меня тоже не было. Было эфирное масло из Фанкии, которое мама-Васка добавляла в воду для купания. Но если лить его в мыло, то дешевле дождаться купцов.

Такой результат меня не устраивал совершенно. И я стала думать… Тем более это единственное, что я могла делать без опаски спалиться. Когда тебе сорок, изображать восемнадцатилетнюю девицу, которая «проснулась», потеряв пятнадцать лет жизни, очень сложная задача. Труднее, пожалуй, была только речь. Я до сих пор говорила с трудом, часто запиналась и заикалась, не в силах справиться с непослушным и неповоротливым языком.

– Мария Львовна, вы опять отвлеклись от вышивки, – привычно выговаривала мне учительница по важным наукам, – вам нужно постоянно тренироваться,

чтобы стежки выходили ровными, и вышивка стала красивой.

Мама-Васка, которая сидела на уроках по рукоделию вместе со мной, подслеповато щурясь, тыкала иглой в ткань, растянутую на деревянных пяльцах. Ей страшно нравилось, и она говорила, что в молодости была знатной вышивальщицей. Но меня такая слава не прельщала. И вышивала я только для развития мелкой моторики рук.

– Скучно, – сморщила я нос и швырнула пяльцы в угол, – я не хочу вышивать. Я хочу быть лекарем, как дядя Евстигней!

– У вас не получится, – улыбнулась учительница, – чтобы стать лекарем, нужно много учиться, а вы ленитесь.

Она единственная почти не жаловалась Михаилу Андреевичу на мои выходки. Сначала я думала, что из-за излишней доброты и мягкости. Но почему-то именно на ее занятиях я вела себя лучше всего… На танцы, к примеру, я вообще ходила через раз, доводя учителя танцев, довольно симпатичного юношу с томным взглядом поэта, до отчаяния. И моему жениху приходилось угрожать, что он не станет меня учить читать и писать, если учитель танцев еще раз пожалуется, что я игнорирую его занятия.

– Получится! – я болтала ногами. – Я буду лечить людей… или стану кухаркой, как тетка Нюрка. У нее на кухне интересно.

– Да, я слышала, что вы изводите бедную Нюру… И судя по вашему повышенному интересу к печам, вы имеете все шансы стать трубочистом, Мария Львовна.

– Не трубочистом, а Золушкой!

– Ты, Марусенька, и так уже Золушка. Не пристало баронессе возиться с грязью, – вставила свои пять копеек мама-Васка. Ей моя идея варить мыло не нравилась категорически. Настоящие баронессы, по мнению мамы-Васки, не должны иметь никаких забот и хлопот, кроме одной – быть любезной с будущим мужем.

– Золушка вышла замуж за принца! И стала королевой!

– Принцу всего семь, – учительница снова сунула мне в руки ненавистные пяльцы.

– А мне, – я вздохнула, – восемнадцать… я такая старая.

Не знаю, что вышло бы в итоге со всем моим притворством, но через два месяца после моего попадания произошло то, что изменило мою жизнь…

Глава 5

В тот день я сбежала к нашему лекарю дяде Евстигнею. В его лекарском кабинете, больше похожем на логово шамана, изображая бестолковую девчонку, я занималась важным делом. Мне нужны были красители и ароматизаторы. И именно среди травяных запасов нашего лекаря я искала то, что в будущем станет цветом и ароматом моего душистого мыла.

Как-то сложилось, что для приготовления мыла дома я использовала чаще всего импортные компоненты: как масла, так и добавки. И если вместо кокосового, оливкового и других масел я планировала использовать животный жир, которого здесь было вдоволь, то чем заменить эфирные масла и минеральные пигменты, я так и не могла придумать. Мне нужна была очень пахучая травка, которая растет в наших широтах. Поэтому и просиживала я целыми часами с нашим лекарем, помогая сортировать травы и готовить бесконечные отвары и мази.

А больных было очень много. Обогреть такой огромный замок было практически невозможно, поэтому печи топили только в жилых комнатах. А в коридорах и служебных помещениях стены нередко были покрыты толстым слоем белого мохнатого инея.

Мы варили очередной котелок мази для суставов. Лекарь Евстигней, весьма строгий пожилой мужчина, только недавно перестал выгонять меня из своих комнат, убедившись, что, несмотря на странный интерес к травам и славу капризной взбалмошной девчонки, я ничего не порчу и не трогаю без его разрешения. И все охотнее рассказывал мне о своей работе и даже давал какие-то мелкие поручения. Большинство растений мне было известно из прошлой

жизни. Потому что когда нет надежды на современные препараты, невольно начинаешь искать спасение в традиционной медицине. И в свое время я плотно изучала лекарственные свойства трав.

Вот и сейчас я мешала будущую мазь длинной деревянной ложкой, прижимаясь к теплому боку маленькой печки, а лекарь шуршал травами, отмеряя нужное количество деревянным стаканчиком.

– Евстигней! – в лекарскую ввалился огромный детина из замковой охраны. – Трофим покалечился, господин барон тебя требует.

– Что там случилось? – недовольно заворчал лекарь, откладывая, однако, травы и начиная одеваться. – Опять лошадь, поди, лягнула…

– Нет, – мотнул головой детина, – разбойники напали. Одного нашего насмерть положили, а Трофима покалечили. Они на торг в город ездили, господин барон велел известь и соль отвезти, что по осени еще добыли.

Через минут пять бесчувственного Трофима, бледного от потери крови, на руках занесли в лекарскую, пачкая пол красными пятнами. В небольшой комнате сразу стало не протолкнуться от мужиков в толстых зимних тулупах.

– Не жилец, – вздохнул лекарь, – помрет не сегодня, так завтра. Не обескровит, так от горячки…

– Дядька Евстигней, – втиснулась я между воинами. Через все бедро Трофима проходил огромный и очень глубокий порез, хорошо хоть кость, видневшаяся на дне распахнутой грязной раны, была цела. – А давайте зашьем? Крестиком? Я умею!

– Мария Львовна, сейчас вы должны быть на танцах! – голос моего жениха прозвучал как гром среди ясного неба. – Немедленно идите на занятия!

– Ненавижу танцы, – буркнула я и шагнула было к двери. Но он окрикнул меня, когда я уже выходила.

– Мария Львовна, что вы там говорили по поводу вышивки? Вы уверены, что сможете?

– Да, – ответила я, – но мне нужна будет помощь. Нужно загнуть иголку.

– Несите, – устало вздохнул мой жених, – загнем.

– Господин барон, – вмешался дядька Евстигней, – вы уверены? У Марии Львовны, конечно, талант понимать травы, но…

Он покачал головой.

– Сам же говоришь, Трофим не жилец. Пусть попробует.

Иголку он загнул мне сам. Руками.

А потом я, трясясь от страха навредить еще больше, хотя куда больше-то, промыла рану крепким отваром ромашки и наложила шов из пятнадцати стежков, предварительно обработав кожу по краю раны, иглу и нити крепким вином, за неимением лучшего.

Наложила повязку, бинты – ленты из старых рубах – конечно, не были стерильными, но я плохо представляла, как добиться стерильности в условиях средневековья. Подержала над паром и наложила на рану.

Михаил Андреевич внимательно наблюдал за моими действиями и даже помогал, если я просила.

Я сидела с Трофимом всю ночь. Мне все время казалось, что он вот-вот умрет из-за моей неквалифицированной помощи, хотя дядька Евстингей говорил, что кучер все равно не жилец. Хоть с моей помощью, хоть без нее…

Но утром Трофим пришел в себя и попросил пить. Впереди еще было много проблем: воспаленная рана, горячка и мое отчаяние, но через месяц дела пошли на поправку, а к весне Трофим уже ходил, прихрамывая на правую ногу.

Но все это было впереди, а тогда, на следующее утро, когда я засыпала на ходу из-за бессонной ночи, меня вызвал к себе Михаил Андреевич.

– Мария Львовна, – он расхаживал по кабинету, – скажите мне, пожалуйста, откуда вам известно о таком способе лечения ран?

Черт возьми! Я чуть в обморок не грохнулась. Ну вот знала же, что нужно не отсвечивать. И что тут придумать? Что Господь Бог явился и научил? Ага. Я уже знала, что, несмотря на средневековье, такой набожности, как в нашей истории, в этом мире не было. Да, люди верили в Господа Бога, но не считали, что жизнь – это всего лишь подготовка к смерти. Жизнь дарована Богом не для того, чтобы испытывать лишения и страдания. Вроде бы небольшое отличие, но разница в образе жизни нашего и местного средневековья оказалась колоссальной.

– Мария Львовна, – он замер в двух шагах от меня, – я жду.

– Я… – просипела пересохшим до состояния пустыни горлом. – Я…

От волнения забылись все навыки разговорной речи, как будто бы я вернулась в тот самый первый день в монастыре, когда не могла произнести ни слова.

– Вы обманули меня, – сурово сведя брови, уставился на меня Михаил Андреевич.

И тут мне совершенно не к месту пришла мысль, что, несмотря на молодой по сравнению с моим возраст, я никогда не воспринимала жениха как мальчика. Нет, он с первого дня был именно мужчиной. Опытным, знающим и толковым. Нечего было и надеяться, что он не догадается о моем дуракавалянии.

– Вы читали в библиотеке медицинские дневники вашего прадеда? – еще суровее нахмурился жених.

Что?! Я так отчаянно закивала, что было странно, как моя бестолковая голова не оторвалась и не укатилась в угол.

– И давно вы водите меня за нос? Давно вы научились читать?!

Я опустила голову. Мне не было стыдно, я хотела скрыть от моего визави то облегчение, которое испытала, когда поняла, что все хорошо… От схлынувшего напряжения меня заколотило, я вся промокла от пота, а в ушах зашумело.

– Я рад, что вам хотя бы стыдно, – распинался Михаил Андреевич. Я его почти не слушала, – вы и до болезни демонстрировали интерес к медицине, и ваш папенька мечтал отправить вас на учебу в университет.

Я ошарашенно подняла голову. Отправить в университет?! Девушку?! В средние века?! Я точно не ослышалась?

– Скажите, вы помните прошлое? – в его глазах что-то мелькнуло. Впервые за все время общения с этим бесчувственным типом, в его глазах блеснула настоящая эмоция. Говорить я все еще не могла, поэтому помотала головой, отвечая «нет». – Жаль. Тогда все было бы гораздо проще… Этикету и молитвам вам все равно придется учиться. Рукоделие и танцы уменьшим вполовину. А в освободившееся время займетесь изучением алхимии и медицины.

Я отчаянно замотала головой. Если уж чем я не хочу заниматься в этой жизни, так это медициной. Никогда не чувствовала тягу к этой деятельности.

– Нет? – удивился жених. Я медленно, все еще с трудом двигая челюстями, застывшими от такого нервного напряжения, и старательно выговаривая слова, ответила:

– Алхимия – да. Медицина – нет.

Да… Это как раз то, что мне нужно.

– Хорошо, – согласился жених, – вы можете идти. И еще одна просьба. Прекращайте вести себя как бестолковый ребенок. Вы даже в три года были гораздо более взрослой, чем сейчас.

Я сползла со стула, доковыляла до коридора и села прямо на холодный каменный пол… Что, черт возьми, происходит? Я не понимаю этого человека. С одной стороны, он хочет заграбастать себе мое состояние и извести меня, а с другой… Откуда эта его забота? Зачем он все это делает? И что ждать от него

дальше?

Но еще больше непонятного с дневниками прадеда. Почему в нем я могла прочитать про зашивание ран, а лекарь Евстигней об этом не знал? И почему папенька хотел отправить меня в университет, если девочкам в этом мире преподавали совсем другое? Хотя это понятно… Он, наверное, как и все хорошие отцы, гордился своим ребенком и мечтал, что весь мир будет гордиться мной так же, как он.

Учитель по алхимии и другим точным наукам приехал через пару дней. И я была разочарована. То, что он мог мне рассказать о химии, математике и естествознанию, мне было известно намного лучше него.

Хотя эти занятия помогли мне легализовать собственные знания и определить границу, за которую мне не следует заходить, чтобы не выдать себя.

А еще учитель оказался весьма увлеченным своим делом старичком, вечно недовольным и сердитым. Но зато он привез с собой почти самую современную по местным меркам химическую лабораторию, от вида которой мне хотелось плакать. Вениамин Аристархович, которого с моей легкой руки весь замок стал назвать Веником, мечтал найти философский камень, чтобы превращать любой металл в золото или серебро. И посвящал делу своей жизни все свободное время.

Ну а мне нужна была натриевая щелочь.

– Вениамин Аристархович, – закинула я удочку после первой же недели обучения, во время которой восхитила старичка своим желанием учиться алхимии и старательностью. Я ходила за ним буквально по пятам, заваливая вопросами. – А я знаю, как из грязи сделать золото!

– Мария Львовна, – покачал головой старичок, – не думаю, что у вас что-то получится.

– Получится! – настаивала я, – нужно взять золу, смешать ее с водой, потом что-то сделать, и получится золото.

Вениамин Аристархович хохотал несколько дней, всем подряд рассказывая мою бизнес-идею. Я злилась. Ну кто быть мог подумать, что на алхимика неожиданно нападет приступ общительности? Он за эту неделю даже со своими коллегами не познакомился.

Но был во всей этой ситуации и несомненный плюс. Теперь я занималась своими опытами с золой на законных основаниях. И пусть все смеялись над начинающим алхимиком, которая собралась варить золото из грязи, а не из свинца или меди, как все нормальные ученые.

За несколько месяцев я перевела бессчетное количество золы и масла на опыты. И кое-что начало получаться.

Я научилась получать практически бесцветную концентрированную калиевую щелочь, пропуская щелок через золу, а потом через природные фильтры по несколько раз. Я раскопала в обрывках своих воспоминаний какие-то намеки о смешивании золы с негашеной известью и про просаливание мыльной смеси для получения хлопьев твердого мыла, которое потом приходилось доваривать с щелоком еще раз.

В итоге к середине весны я разработала технологию производства твердого мыла в условиях средних веков, подходящую для открытия мыловарни. Получилось, конечно, весьма мудрено, но выбирать не приходилось.

Для цвета подошли местные травы: зверобой, дававший мылу красно-коричневый оттенок, подорожник – зеленый, ромашка – светло-желтый. А ароматизировала я все это дело самым простым и доступным ароматом – хвойным, для чего заранее настаивала масла на сосновых иголках. Не богато, но для начала подойдет.

Проработала я и ассортимент, в который, помимо твердого мыла разных оттенков, вошли шампунь и мягкое мыло. Я решила, что глупо отказываться от того, что сварить проще, только потому, что мыло не твердое. А облагородить мягкое мыло, добавляя в него молотые травы, довольно просто. Для бани, которую в Русине, как и у нас в России, очень любили, самый подходящий вариант.

Еще за зиму я основательно продвинулась в укреплении собственного здоровья. Я все еще ходила с тростью, подволакивая левую ногу, но эта легкая хромота совсем не мешала мне носиться по замку по своим делам, стуча палочкой. Говорила я тоже намного лучше, хотя если начинала тараторить, то челюсти привычно сводило и речь становилась невнятной. Успехами я была довольна. Мне даже удалось восстановить мимику, и лицо больше не было практически неподвижной маской.

Я усиленно занималась и самообразованием. Изучала экономику, политику, географию и историю. Пожалуй, еще никогда в своей жизни я так упорно не работала, как в эту зиму. Но и результат меня радовал.

Пора было переходить к практической части моего плана.

Глава 6

И первым делом надо придумать, откуда взять деньги… Да, все, в общем-то, банально. Я жила на всем готовом, ни в чем не нуждалась, но денег в глаза не видела.

У меня даже были драгоценности, которые папенька заказывал специально для меня, как и одежду. Но самые дорогие украшения хранились под замком, в казне. И доступ к ним был только с разрешения моего опекуна. А если продать всю мою шкатулку с повседневными побрякушками, то, может быть, мне и хватит на стартовый капитал, но что же я тогда буду носить? Простой деревянный гребень или медные брошки? Ну да, как же. Нельзя. Меня не только жених, меня мама-Васка за такое с потрохами съест. Потому что позорно это. Не по статусу.

В начале весны мама-Васка заговорила о нарядах… Вот-вот должна была приехать портниха. По установленному давным-давно порядку приезжала она два раза в год: в начале весны и осени. Целый месяц не покладая рук, своих и десятка подручных швей, обшивала семью барона на предстоящий сезон и уезжала дальше. Вместе с ней в одном обозе катались по стране сапожник и ювелир для комплексного обслуживания дворянства.

Одежды у меня в сундуках было много… Новой. Я долго обдумывала эту мысль и все же решилась. Если не получится… Тогда буду думать дальше.

– Михаил Андреевич, – обратилась я к жениху во время ужина, – не могли бы вы уделить мне несколько минут после ужина? У меня к вам есть личная просьба.

– Хорошо, – равнодушно ответил он, – после ужина я буду в кабинете. Вы можете зайти в любое время.

Да, я рисковала. Но если я что и поняла за эти месяцы про своего жениха, так это то, что он вовсе не был самодуром, идиотом или скупердяем. Нет, он оказался весьма рачительным, заботливым хозяином. В замке никто не голодал, прислуга и стражники были довольны своей жизнью и искренне уважали господина барона. Я не раз слышала, как девчонки-горничные шушукались, радуясь, что смена хозяина в поместье не изменила привычной жизни. А Трофим и мама-Васка вообще прямо в глаза говорили мне, что папенька нашел мне самого лучшего жениха в округе. И если бы ему нужна была я, а не мое наследство, то я бы, пожалуй, даже согласилась.

– Скоро приедет портниха, – начала я разговор в кабинете, – но у меня достаточно новых платьев и еще несколько мне не нужны. Но я хотела бы попросить у вас деньги.

– Зачем? – он приподнял одну бровь. – Вам чего-то не хватает? Скажите Васке, она закажет.

– Нет, – помотала я головой и, набрав побольше воздуха, решилась, – я хочу открыть мыловарню. Фанкийское мыло слишком дорогое, а я умею варить мыло ничуть не хуже. Меня Вениамин Аристархович научил, – перевела я стрелки на учителя.

– Мыловарню?! – наконец-то на каменном лице появились хоть какие-то эмоции. – Какую еще мыловарню?

– Варить мыло интересно, – улыбнулась я, – и его можно продать…

– Но это совсем не подходящее для вас занятие, Мария Львовна. Вы же баронесса, а не купчиха какая-нибудь!

Вот его зацепило. Я мысленно похихикала. Никогда еще не видела его настолько растерянным. И решила добить маленькой пакостью… А что? На большие-то я не способна.

– Значит, будет мыловарня леди Мэри…

Михаил Андреевич аж захлебнулся негодованием. Он открывал и закрывал рот, не зная, что сказать. А потом вдруг рассмеялся.

– Да, леди Мэри, – фыркнул он, – вам удалось меня удивить. Что ж… – он встал, – это будет забавно. Сколько денег вам нужно?

Если он думал меня шокировать таким вопросом, то зря. Я свою мыловарню просчитала уже в трех вариантах. Если у меня будет много денег, если у меня будет мало денег и если у меня не будет денег вообще. Гардероб тянул на второй вариант… Но озвучила я, конечно же, первый. А то я не знаю, что просить всегда надо больше. Так и вышло.

– Мария Львовна, – фыркнул он, – а вы не мелочитесь. Что же… я выделю вам половину того, что вы требуете. Думаю, баронство в состоянии выполнить этот ваш каприз. Но впредь, пожалуйста, придумывайте себе забавы поскромнее. Вы же не хотите пустить нас всех по миру. И еще… даже если у вас получится сварить мыло, этого будет недостаточно для получения статуса гражданина.

– Я знаю, – кивнула я, – я хорошо изучила этот вопрос.

– Идите. Я дам распоряжение казначею сегодня вечером. Завтра вы сможете получить всю сумму…

– Спасибо, – поблагодарила я жениха. И не такой уж он сволочь, оказывается… И ему очень идет улыбка.

Со следующего утра закипела работа. Первым делом я заказала самые большие, примерно по сто литров, чугунные котлы. Их должны были привезти аж с самой

Фанкии, потому что в Русине чугун пока был не особо хорошего качества. Котлов мне нужно было минимум два, но я заказала три. Везти их долго, почти три месяца, мало ли что может случиться в дороге. Оказаться потом у разбитого корыта не хотелось. Так что пусть будет запас.

Сначала для мыловарни я думала найти помещение в ближайшем городе, до которого было час верхом и два на телеге, но потом решила, что проще два раза в неделю отправлять обоз с готовой продукцией в город и привозить обратно сырье, чем мне самой каждый день тратить два часа на дорогу. Тем более у меня не хватит денег на покупку даже какого-нибудь сарая на окраине. Попросить денег еще раз? Ну уж нет…

А вот на территории имения, в самом дальнем углу усадьбы, стояло никому не нужное каменное строение. То ли бывшая казарма, то ли конюшня. Никто уже и не помнил, что там было. Его мне показал Трофим. После того как у него зажила нога, жених приставил его мне в помощь. Увидел однажды, как я тащу мешок золы для опытов. Ну да… Обычно я просила кого-нибудь, но в тот раз никого рядом не оказалось, а мне срочно надо было проверить новую идею.

Эта старая казарма-конюшня подходила мне идеально. Довольно просторное помещение, не меньше ста пятидесяти квадратов, слегка вытянутое и сориентированное практически точно с севера на юг. В нем отлично поместятся погреб для хранения животного жира; два моих цеха: поташный, где из золы будем получать концентрированный щелочной раствор, и варочный, где будем варить мыло; холодный склад для созревания мыла и склад готовой продукции, который я решила совместить с упаковочным цехом.

Идти к жениху за разрешением занять это помещение не хотелось, конечно. Я два дня обдумывала ситуацию и так и этак, но каждый раз приходила к выводу, что можно проявить гордость и попытаться выкрутиться как-нибудь, выкупив сарай в деревне. А можно наступить на горло собственной песне и начать путь с гораздо более выгодной позиции. В итоге жадность победила.

Мой опекун, чтоб ему пусто было, милостиво позволил варить мыло в старой конюшне. Во всей этой ситуации больше всего меня злила необходимость спрашивать разрешения, чтобы пользоваться тем, что принадлежало мне по праву. Но я старалась об этом не думать. Сжала попку в кулачок – и вперед. Сейчас для меня более важно за два с небольшим года превратить мыловарню в очень крупное и успешное предприятие. Для получения гражданства нужны

были рекомендации других граждан. И я сомневалась, что мне удастся получить такую от своего опекуна. А значит, мне нужно добиться такого уважения среди аристократов, чтобы они были готовы поручиться за мою способность управлять имуществом, полученным от отца. И для этого моя мыловарня должна стать не просто крупным, а очень крупным и очень успешным бизнесом. Если буду слишком гордой, то не видать мне права собственности как своих ушей.

Конюшня по самую крышу была забита каким-то деревянным хламом. Старые телеги, разбитая мебель, бревна… Но пара нарушителей из молодого поколения замковой дружины за два дня растащила все на две кучи: то, что можно еще использовать, и то, что нужно сжечь и потом использовать для приготовления поташа. Зачем просто так выкидывать добро. У нас в замке уже давно вся зола складывалась в сухой кладовке. Хорошо быть баронессой… Даже если за каждой мелочью приходится ходить к опекуну… Р-р-р.

Из того, что можно использовать, замковый плотник сколотил мне перегородки между цехами, столы, формы для мыла и стеллажи для склада. А Трофим, оказавшийся искусным резчиком, вырезал штампы с надписью «Леди Мэри» и схематичными рисунками, обозначающими сорт. Мягкое мыло я решила упаковывать в глиняные литровые горшки, это был самый маленький объем. Можно было бы, конечно, сделать специальный заказ на более маленький объем, но цена за такую посуду выросла бы вдвое. Поэтому я отложила эту затею на потом.

Для начала я ориентировалась на мыло, доступное среднему классу. Потому что его всегда больше и для элитного мыла нужны были и элитные масла. Из свиного жира не сваришь кастильское мыло… Поэтому покорение высшего света я отложила на будущее.

К приезду котлов мыловарня была практически готова, и даже погреб уже выкопали и покрыли двое нанятых в деревне парней, а топленое свиное сало стояло аккуратным рядком в столитровых бочках. Оставалось только вмуровать котлы в печи, сложенные замковым печником, и можно запускать цикл.

– Маруся, – разбудила меня утром растерянная мама-Васка. Вчера я засиделась допоздна, заполняла технологические карты для разных сортов мыла. – Там какой-то купец тебя спрашивает…

– Купец? – я вскочила. Неужели привезли котлы? Прошло больше двух месяцев, так что я уже ждала. Как плохо, что нет телефонов и нельзя позвонить.

В мгновение ока оделась и выбежала во двор замка. У крыльца топтался довольно молодой усатый мужчина и мял в руках шапку.

– Доброго утра, госпожа, – пробасил он, легка скосив глаза на мою палочку, – мне тут сорока на хвосте принесла, что мыло вы варить собрались. Котлы из Фанкии ждете… вот я и решил первым вас побеспокоить, поинтересоваться… так сказать… и ежели правда… то я бы взял… на пробу… так сказать…

Он явно был растерян, скорее всего, его смутил мой вид. Вряд ли он ожидал увидеть хромоногую девчонку.

– Кто вам такое сказал? – удивилась я. Я пока никому ничего не говорила, кроме мамы-Васки, Трофима, жениха, плотника, парней из деревни… М-да. По секрету всему свету, называется…

– Мой свояк вам печь ложил, – вздохнул купец и неловко отступил назад, – извиняйте… видать, не так понял что-то… свояк-то…

– Все правильно ваш свояк понял, – улыбнулась я, мгновенно просчитывая выгоды такого договора. Я-то думала, придется самой на рынке мылом торговать для начала. А тут раз! И купец нарисовался. Не зря я за мыловарню взялась.

Купца звали Игнат Никитин. Отец его был простым крестьянином, но сам он с детства мечтал стать купцом. Еще и брата Афанасия своего заразил желанием. Да только оказалось, что не приспособлен Игнат к путешествиям дальним. В раннем детстве с печи упал, спину повредил, теперь не может верхом долго скакать. Вот и приходится ему перебиваться с местным товаром. И дела идут не особенно хорошо…

– Так что ежели, барышня, мы уговоримся, то и мне польза будет – я с новым товаром на площадь выйду, и вам польза – неохотно купцы местный товар берут. Да еще и неизвестный…

Долго я не думала. Зачем ходить и кого-то уговаривать, если есть тот, кто сам пришел? Тем более я же не буду с ним эксклюзивный договор подписывать. Не будет справляться с объемами, еще одного купца найду. Зато о сбыте голова болеть не будет.

– Уговоримся, – улыбнулась я, – проходите, Игнат… как вас по батюшке?

– Николаич я, – склонил голову Игнат…

Договорились мы довольно быстро. Цену я установила в двадцать пять копинок, фанкийское мыло продавалось по целому раблу, а наше, для среднего класса, будет по пятьдесят копинок. А вот с подписанием договора возникли трудности. Ибо я недееспособная… Черт возьми! Ненавижу жениха!

Он выспрашивал и меня, и Игната целый час. Но вынуждена согласиться, вопросы задавал стоящие, мне и самой бы надо было, к примеру, поинтересоваться, где именно находится лавка купца. Или какими партиями и как часто я собираюсь поставлять мыло. И только когда мы с Игнатом по новой договорились обо всех нюансах, подписал наше соглашение.

Довольный купец вышел, беспрестанно кланяясь, и мы с Михаилом Андреевичем остались одни.

– Михаил Андреевич, – пожалуй, впервые за все эти месяцы я была искренне благодарна жениху, – спасибо вам… что помогли мне заключить договор.

– Мария Львовна, – скорчил он недовольную гримасу, – вам нужно учиться составлять договора. То, что вы пытались заставить меня подписать, было чем угодно, но не договором. Вас бы потом этот ушлый купец вертел как хотел…

Он был прав. Несмотря на весь свой опыт современного человека, я ничего не понимала в договорах… И искренне считала, что в этом средневековье будет достаточно записать, что я, Васильева Мария Львовна, обязуюсь поставлять купцу Никитину Игнату мыло по цене в двадцать пять копинок. А ведь нужно было прописать и сроки поставки, и объемы продукции, и сорта мыла, и расходы на доставку…

– Да, вы правы, – вздохнула я, – но…

– Никаких но, – перебил меня жених, – мой поверенный будет заниматься с вами два раза в неделю. И это не обсуждается.

Я хотела сказать: «но я не знаю, в каких книгах это можно прочитать», но теперь только поблагодарила и вышла. А что тут еще скажешь?

Глава 7

Котлы все не везли. Время шло, прошли три оговоренных месяца. Ждать с каждым днем становилось все невыносимее. Тем более у меня теперь был купец, готовый выложить мое мыло на прилавок сразу же.

И я решилась. Выпросила у кухарки старые ведерные чугунки и, взяв в помощники Проньку, одного из тех парней, что копал мне погреб, начала варить мыло маленькими партиями. Это очень сильно повышало себестоимость мыла, и прибыль от такой работы была минимальная. Даже не стоило бы затевать все это дело за такие гроши. Но терпеть было уже невмоготу.

А еще с наступлением лета пришла пора запасать травы. В первый раз мы поехали с мамой-Ваской и Трофимом. Нужно было посмотреть, что здесь растет. Для сбора трав я планировала нанять в деревне двух-трех девчонок. Но им же нужно дать техзадание. А значит, самой разведать, чего, где и сколько можно собрать.

Деловая поездка по окрестностям превратилась в выходной. Погода выдалась на редкость удачная: солнечно, но не очень жарко и не ветрено. Как раз как я люблю. И я лежала в телеге на копне прохладной свежесрезанной травы и смотрела на облака. Хорошо…

Мы даже на обед не стали возвращаться. Заехали в деревню и купили у старосты крынку молока, хлеб и кусок копченого мяса. Ничего вкуснее не ела, хотя повар в замке очень даже ничего. Были бы нормальные продукты… Но ни помидоров, ни огурцов, ни даже картошки здесь пока еще не было. И даже

бароны ели кашу, пироги и репу во всех видах.

Здесь даже масла подсолнечного еще не придумали. Только льняное и конопляное. Но у нас на кухне было еще и оливковое. Я когда узнала, сколько оно стоит… Надо либо бочками покупать, либо мыло у фанкийских купцов. Так что до кастильского мыла, которое варится на чистом оливковом масле и которое можно было бы предложить высшему свету, мне далеко.

Когда после обеда Трофим заснул под деревом и громко захрапел, пугая живность, мама-Васка устроила мне выволочку, пользуясь тем, что никуда я от нее сбежать не могу.

– Ишь чего удумала, – ворчала недовольная она, – где же это видано, чтоб девица такая беспокойная была. И зачем тебе эта мыловарня? Одна суета… Не дело это, дочка, невесте просватанной такими глупостями заниматься…

– Ты же знаешь, мама-Васка, я хочу папенькино наследство вернуть, – вздохнула я. Нотации своей няньки я знала уже наизусть. Но сегодня я услышала кое-что новенькое…

– Дело оно, конечно, хорошее, – проигнорировала привычный уже ответ нянька, – но ты вот с Пронькой в мыловарне своей уединяешься без присмотра. И слухи, дочка, ходят уже. Нехорошие. Что милуешься ты там с парнем, пока жених твой за наследством твоим присматривает…

– Мама-Васка! Но ты же знаешь, что это не так! – возмутилась я.

– Я-то, может, и знаю… а вот народец-то нет… и слухи, дочка, нехорошие ходят. Обидные для жениха твоего. А ведь мальчик старается. Ни одного слова тебе плохого не скажет, ни обиды какой не причинит. А ты нос воротишь… Вышила б ты ему подарочек, что ли, какой… хоть поясок, хоть платочек…

– Хорошо, вышью, – вздохнула я. Что ни говори, а была у меня в душе благодарность к Михаилу Андреевичу. Он, может, и хам, наглец и сволочь, что хочет отобрать у меня наследство, но пока я от него лично к себе ничего плохого и правда не видела…

– Вот и умница… а то больно смотреть на жениха-то. Сердце кровью обливается. Он уж и так и этак к тебе, а ты на него не взглянешь даже. Все со своей мыловарней носишься…

А слухи ходили. Недели не прошло, как мыловарить я начала, как ко мне в мыловарню прямо посреди рабочего дня нагрянул жених. Вроде как посмотреть, что я тут сделала с доверенным мне помещением. Ага… Как же… Видела я, как цепко оглядел он и меня, и Проньку, задерживая взгляд на губах, Небось боялся, что целуемся мы тут…

А мне почему-то стало приятно от беспокойства в его глазах… Тепло стало на душе. Радостно. Глупая я, бестолковая девица. Несмотря на свой реальный возраст, в отношениях неискушенная…

И платочек в подарок для Михаила Андреевича я вышивала с этим странным теплым чувством… Подарить, правда, лично не смогла. Страшно было увидеть, что я ошиблась, и ничего такого в его взгляде не было…

Первые партии мыла уже созрели, котлов все не было. С каждым днем время до совершеннолетия уходило, как дым из трубы моей мыловарни. Пронька уже ловко справлялся с процессом в одиночку, и я все чаще оставляла его одного.

По совету поверенного, Дмитрия Федоровича, я заключила с Пронькой договор, по которому он не имел права раскрывать тайну моей технологии. И за нарушение договора, по местным обычаям, ему грозила смертная казнь. Сначала я попыталась возражать, объяснить, что это негуманно, что достаточно большого штрафа, но Дмитрий Федорович, снисходительно улыбнувшись, привел один, но веский довод: Пронька не будет против. Потому что так принято. Это нормально.

Я тогда несколько ночей не могла уснуть. Думала. Размышляла. Вот я вроде бы из будущего, из более продвинутого века, но здесь, в средних веках, никому не нужны наши моральные принципы: гуманизм, человеколюбие, толерантность. И если я буду вести себя с людьми как человек двадцать первого века, то это сочтут слабостью. Но как изменить в себе то, что впитано с молоком матери? Как заставить себя видеть жизнь совсем с другой стороны? Пожалуй, именно это стало для меня самым трудным.

Я могу приспособиться к жизни в замке без водопровода и канализации, ведь я даже не представляю, как спроектировать эти трубопроводы. Если бы это было доступно каждому среднестатистическому жителю нашего мира, то вряд ли бы сидели целые конторы, которые занимались расчетами и чертежами.

Я могу привыкнуть жить без телевизора, телефона и других средств связи. Научиться спокойно принимать неизвестность и отсутствие новостей не мировых, нет, но даже местных.

Я могу смириться со свечами и печным отоплением, с грунтовыми дорогами и грязью после дождя даже на крупном тракте, с поездками на лошади и еще с тысячами крупных и мелких неудобств этого века.

Но как принять, что ты имеешь право избить человека кнутом за мелкие проступки, отрубить руку за воровство или лишить жизни за разглашение секретной технологии? И не просто имеешь право, ты должна это делать. Иначе… Прощай, мечта о наследстве. Ибо это слабость. А слабому человеку никто не отдаст бразды правления огромным состоянием. Слабый человек не сможет даже наладить работу мыловарни. А значит, не видать мне гражданства через два года.

Но мне неожиданно помог падре… И вера.

Падре каждый месяц навещал меня, чтобы убедиться, что его доля моего состояния достанется церкви. И именно он заметил, что со мной что-то не так.

– Мария Львовна, – задал он мне вопрос, – вы такая печальная. Случилось что?

– Да, падре, – ответила я. Я была слишком близка к глубочайшему отчаянию, к депрессии, с которой вряд ли смогла бы справиться, – мы заключили с Пронькой, моим рабочим, договор. Ему грозит смерть, если он раскроет секрет моей технологии…

– Похвально, дочь моя, – кивнул падре. – Это вам посоветовал поверенный господина барона? Правильный поступок.

– Но, падре, – возмутилась я, – от вас я такого не ожидала. Жизнь человека – самое ценное, что может быть в этом мире. Как можно любить людей, но при этом позволять им подобную жестокость?! Как можно спать спокойно, отправив человека на конюшню для порки за нерадивость в работе, отрубить руку за украденный кусок мыла или лишить жизни за рассказанную тайну?

– Каждый человек, дочь моя, сам выбирает свой путь. Господь говорил: «да воздастся каждому по делам его». Пронька ваш знает, что если будет лениться, то получит плетей. И он выбирает свой путь и несет ответственность за свои поступки. Каждый сам строит свою судьбу. А мы можем только молиться, чтобы близкие не сбились с пути истинного, не поддались проискам дьявола…

И я молилась. Религия вошла в мою жизнь как спасение от мук совести, как способ не сойти с ума, как средство принять этот мир до конца. И мне истово, до самой глубины души, хотелось верить, что мои молитвы что-то изменят, и люди вокруг меня не сделают что-то такое, о чем они будут потом жалеть… И неважно, что им в этом поможет. Боги и моя вера или страх неотвратимого возмездия.

И если надо, то я смогу помочь Богу покарать человека за проступки, которые он совершил. Лучше я, чем Он.

Котлы привезли в тот самый день, когда первая партия мыла отправилась в лавку к Игнату. Символично получилось.

А с купцов я стрясла большую виру за нарушение сроков. И хотя это не особенно помогло наверстать упущенное по их вине время, но, несомненно, скрасило горечь моих потерь.

На установку котлов пришлось потратить два дня. Но зато потом дело пошло гораздо веселее. Пронька, ставший уже настоящим специалистом-мыловаром, получил в помощь еще двух парней и принялся варить мыло ударными темпами.

А я наняла молодую девчонку и начала учить ее фасовать жидкое мыло и шампунь и разрезать бруски твердого мыла на куски. Их мы продавали без индивидуальной упаковки, чтобы было дешевле. Любой упаковочный материал стоил денег, а уж в средние века больших денег. Даже бумага…

Я уже давно расширила ассортимент мыла до задуманного. И теперь мы производили: мыло хозяйственное – неароматизированное для стирки и уборки, банное – с ароматом хвои и отваром подорожника, что давало зеленый оттенок, шампунь с корнем лопуха, окрашенный зверобоем, и жидкое мыло с ромашкой и для цвета, и для ухода.

И с новыми котлами через два месяца мы завалим лавку Игната нашей продукцией.

А пока раз в неделю он отправлял подводу за тем мылом, что уже было готово. И это, наверное, даже хорошо, что начали мы с маленьких партий. Это позволило нам изучить спрос и создать дефицит. Поднимать цены мы не стали. Я настояла. Они все равно упадут, когда первые крупные партии пойдут в продажу. Но зато мыло у Игната раскупали в считанные часы и только по знакомству. Весь город гудел… Наше мыло покупали даже аристократы. Не потому, что оно было лучше фанкийского… Мыло на свином жире однозначно проигрывало кастильскому… А потому, что соотношение цена-качество у нас однозначно выглядело гораздо привлекательнее.

С некоторым трудом расходились шампунь и жидкое мыло, слишком непривычно они выглядели, несмотря на распространение кустарного мыла из щелока. Но нашим спасением опять стали маленькие партии и дефицит. Народ брал то, что есть. И уже появились первые почитатели именно таких видов нашей продукции.

Хотя, если честно, мне самой шампунь не особенно нравился. Тяжеловат все же свиной жир для шампуня. И я ждала часа, когда смогу купить партию оливкового масла.

– Госпожа, – мои размышления прервал Пронька. Он, вжав голову в плечи, испуганно смотрел на меня сквозь щель в дверях кабинета… Кто его пропустил-то сюда, удивилась я мимолетно.

– Что случилось, Пронька?

– Госпожа, у нас зола кончилась. Вся вышла. Нечего в котлы ложить…

– Как это – кончилась? – вскочила я. – На кухне возьми…

– Так лето же, печи не топят, – обиделся Пронька, – меня тетка Нюрка тряпкой выгнала. Иди, говорит, отседова. И так, говорит, все печи выскоблили, нет больше золы.

– Что ты молчал-то, бестолочь, – рыкнула я в сердцах на Проньку, понимая, что это скорее мой просчет. Не проверила, сколько там золы из наших печей с зимы осталось. Проворонила этот момент. Размечталась о захвате мира, а сама споткнулась на первом же шаге. В полную силу-то мы поработали всего два дня. И уже простой… Черт возьми!

– Ну… дак… – Пронька дернул кадыком на тощей шее и покраснел…

– Позови Трофима, – велела я, – а своих, как доделают всю работу, отправь на уборку территории. И смотри, чтоб без дела никто не мотался. Ты же знаешь, как я не люблю этого.

– Хорошо, – кивнул Пронька, еще бы не знал. Именно за то, что бездельничал, пока я немного приболела на нервной почве и не могла встать с кровати, он первый раз и отправился на конюшню. И понятие уборки территории прочно вошло в наши трудовые традиции.

Пока не пришел Трофим, я в нетерпении стучала палочкой по кабинету. Жених мой, чтоб ему пусто было, позволил пользоваться святая святых делового мира днем, пока он отсутствует по долгу службы, когда увидел, как я корплю над документами в столовой.

Черт возьми, как же мне для ведения учета не хватало хотя бы калькулятора! И, несмотря на весь свой опыт работы с бумагами, я возненавидела расходные книги. А ведь сначала пыталась даже наладить двойной учет, прогрессивный. Но буквально через месяц плюнула на это дело и завела все по-простому. Я, конечно, не считала цифры столбиком, счеты с костяшками на проволочках уже были. И считать на них меня научил Дмитрий Федорович. Но это было страшно неудобно, и я ошибалась гораздо чаще, чем считала правильно.

– Мария Львовна, – стукнул в дверь Трофим, – звали?

Глава 8

– Трофим, я слышала, здесь где-то недалеко мужики уголь жгут. Ты знаешь где?

– Знаю, – степенно кивнул Трофим, – только я вас туда не повезу, Мария Львовна. – И в ответ на мои удивленно приподнятые брови пояснил: – Опасно это. У графа Баранова в лесах разбойники лютуют, да и мужики-углежоги недалеко от них ушли.

– Трофим, – слегка надавила я голосом, – мне нужна зола. Немедленно вези меня к углежогам.

– Ни за что, – уперся Трофим, – мне потом господин барон голову снимет, что невесту его в такие места повез.

И знал ведь, что ничего я сделать не могу. Ни ему, ни маме-Васке. Вот и пользовались они оба своей привилегией в полной мере. С остальными слугами я научилась управляться. Хотя это было и не так уж сложно, прислуга в доме моего папеньки была вышколена. И не позволяла себе ни малейшего панибратства. Хотя я поначалу пыталась подружиться со своей горничной, зазвать ее с собой на завтрак… В первый раз я прямо увидела, как она растерялась и не знала, что делать. Но потом, видимо, получила четкие инструкции и просто замирала на месте, делая вид, что не слышит моего приглашения.

Я сначала обижалась на жениха, усмотрев в нем черствого и бездушного человека, не уважающего людей, которые нам служат.

Но потом поняла: для горничной подавать мне завтрак и убирать постель – такая же работа, как для меня сводить индивидуальные счета будущих пенсионеров. И было бы странно, если бы я, к примеру, звала пить чай ревизоров из управления. Они работать приехали, им мои чаи и разговоры даром не нужны.

– Тогда вези меня в город, – стукнула я палочкой, – к жениху!

– Марусенька, – подлетела мама-Васка, – да как же в город-то? Ты посмотри, погода какая! Солнце то и дело в тучки прячется. Вдруг дождь?! Промокнешь,

девочка моя, заболеешь… Пойдем лучше вышивкой займемся… платочек-то ты господину барону вышила, а теперь поясок нужно…

– Мама-Васка! – я начала злиться. Да за кого они меня принимают? Пойду у них на поводу и никогда не стану достаточно взрослой, чтобы управлять своим собственным имуществом. – Хватит! Я уже не ребенок! Трофим, живо запрягай. Мы едем к углежогам, – приняла я окончательное решение. Все равно нотаций опекуна не избежать. Так пусть хотя бы зола уже будет в мыловарне.

– Но, Мария Львовна, – начал было Трофим, но я резко перебила его.

– Запрягай, я сказала. А с опекуном я буду разбираться сама. Вечером…

Трофим всю дорогу бубнил себе под нос. Тихо-тихо. Так что и слов было не разобрать. До делянки в лесу, где валили и жгли лес для получения угля, мы добирались не меньше часа. Сначала по тракту, потом по проселочной дороге, а в конце уже и вовсе по колее, проложенной посреди вырубки. Хорошо, что конец лета выдался сухим, иначе мы бы не проехали. Местность слишком болотистая. И по бокам дороги, вихляющей, как пьяный сапожник, то тут, то там попадались островки осоки. Если пройдет хороший дождь, то проехать будет трудно.

Кругом, куда ни взгляни, торчали пеньки. Высокие и низкие. И чем дальше от дороги, тем свежее были спилы. А еще видела огромные кучи сучьев, лежащие рядом с изрытой землей. Трофим пояснил, что сучья не годятся для угля, потому что прогорают полностью.

Лесорубы-углежоги встретили нас настороженно. Заросшие, грязные, или черные от копоти, угрюмые мужики поигрывали топорами, как гопники на районе складными ножичками… За их спинами дымили большие кучи земли. Чтоб получить уголь, они сжигали дерево без доступа кислорода.

И я поняла: неудивительно, что их принимают за разбойников, в таком виде только купцов и пугать. Им, пожалуй, ничего говорить и делать не нужно. Вышел на дорогу, а купцы от ужаса сами разбегутся и все отдадут.

И подтверждая мои мысли, вперед вышел самый огромный и страшный мужик, вперил в меня взгляд, от которого холодок пробежал по позвоночнику, и пророкотал с такой угрозой, что у меня мгновенно вспотели ладошки:

– Зачем пожаловали, барышня?

Черт возьми, и зачем я сама сюда приехала! Надо было стражу с собой захватить!

Но я даже не подала вида, что испугалась, нет. У меня внутри все тряслось от ужаса, но я молча сползла с телеги, брови углежога дернулись, когда он увидел мою палочку. Встала перед ним и протянула руку, здороваясь.

– Мне нужна зола. Много золы.

Мужики нестройно захохотали-заухали. Кажется, они не совсем правильно меня поняли.

– А в печь заглянуть не догадались?

– Золой щечки не намажешь!

– Зачем вам зола, возьмите лучше нас…

Зубоскалили они наперебой. Но я даже не взглянула на них, даже не показала вида, что услышала. Я смотрела только на главного, не отрывая взгляда. И отчаянно надеялась, что он не увидит там, как сильно я напугана на самом деле.

– Забирай, – он махнул рукой на огромное черное пятно слева. Там, наверное, раньше была точно такая же куча с углем…

– Нет, – мотнула я головой, – не так. Я хочу купить у вас всю золу, которую вы сможете привезти в мой замок. Платить буду за каждый воз. Единственное условие – она должна быть свежая и не подмоченная. – Мужики озадачились. Я понимаю их, прилетела какая-то пигалица с палочкой и предлагает деньги за брак. А я продолжала: – Пока мы ехали, я видела огромные кучи сучьев. Из них не получается уголь, но получается отличная зола.

– Это очень много работы, – старший углежог мгновенно просек свою выгоду, в отличие от остальных, – и нам придется отвлекаться от основной работы, чтобы

отправить вам подводу.

– Это не так-то много времени. И вы можете позвать на помощь сыновей, мальчишкам вполне по силам такая работа, – пожала я плечами. Страх отпускал. Теперь они мне ничего не сделают. Невыгодно. Осталось только хорошо поторговаться.

Торговались мы долго. С упоением. Причем когда до остальных стало доходить, что именно я предложила, они, не влезая непосредственно в торг, вовсю демонстрировали, как им придется трудно.

Но я держалась. Надо сказать, в свое время я предполагала, что наступит ситуация, когда золы, которую производят замковые печи, не будет хватать и ее придется покупать. Только я не думала, что этот момент наступит так скоро, ведь летом тоже топили печи в бане и на кухне. И Пронька каждое утро выгребал все без остатка. Но для моего столитрового котла этого оказалось очень мало.

Наконец мы сошлись в цене. Я радовалась, она оказалась в два раза ниже, чем я заложила в себестоимость мыла. А еще первая подвода придет уже сегодня. Углежоги тоже радовались, хотя, кажется, до конца не верили, что я не шучу.

Мы пожали друг другу руки, скрепляя уговор. Моя маленькая ручка потонула в грязной мозолистой лапище главного углежога и покрылась черными пятнами сажи. Придется оттирать, если мама-Васка увидит, будет целый день читать нотации.

Я уже с помощью Трофима забралась в телегу и собралась уезжать, как предводитель этой компании не выдержал:

– Барышня, а зачем вам столько золы?

– Для мыловарни, – улыбнулась я, – я варю мыло. И вам, – подмигнула, – могу предложить хороший сорт, который отмывает копоть и сажу. А то, небось, бабы в постель ложиться боятся.

Мужики снова захохотали-заухали, но теперь скорее дружески. По-доброму…

Мы уже доехали почти до дороги, когда заговорил Трофим.

– Ну, Мария Львовна, вы и дали… как будто бы каждый день с разбойниками беседы ведете. Я думал, от страха штаны промочу, а вам хоть бы хны. Они ведь, – подтвердил он мои догадки, – в свободное время по дорогам и промышляют…

– Мне тоже было страшно, Трофим, – улыбнулась я, – но мне нужна зола…

– Да, – кивнул он. Задумался, а потом выдал: – Теперь я верю, что с вашей мыловарни будет толк…

Выехав на проселочную дорогу, мы расслабились. Разбойники нам теперь не страшны, мы с ними только что договорились, до дома осталось рукой подать. Я оттерла сажу с руки, правда, платочек весь покрылся серыми пятнами, но это лучше, чем мои ладони. Чтобы не расстраивать маму-Васку, отнесу в прачечную сама.

Задул сильный ветер – кажется, скоро и правда будет дождь. Хорошо, что обиженная мама-Васка вынесла мне большой кусок кожи, под которым можно спрятаться от дождя и не намокнуть.

Внезапный стук копыт позади заставил нас насторожиться. Мы завернули за небольшую рощицу, так что кто именно там скакал, видно не было.

Мой кучер подгонял лошадь, постоянно оглядываясь назад. Я тряслась, как заяц, и тоже смотрела только назад. А вдруг в лесу не одна банда? А вдруг углежоги вполне мирные ребята? Черт возьми! Ну зачем я поехала одна! Надо было хотя бы стражника крикнуть для сопровождения.

Я зашептала молитву, чтобы отвлечься и перестать бояться. Каждый сам строит свою судьбу. Каждый сам пожинает плоды своих решений. А поехать в лес вопреки запретам – мое решение, и мне самой нести за него ответственность.

– Стойте! – громкий крик позади заставил Трофима занервничать. Наша лошадь, привыкшая к медленной и степенной езде, уже покрылась потом и бежать быстрее была просто неспособна. – Стойте!

Расстояние между нами и всадниками сокращалось, а мое сердце стучало все сильнее. И вдруг Трофим натянул вожжи, замедляя ход лошади.

– Уф, Марья Львовна, – выдохнул он с облегчением, – это графские солдаты. Можно не бояться. Вон в мундирах все.

Мы остановились и стали ждать, когда они нас догонят. И теперь я тоже разглядела, что все всадники были одеты в одинаковую форму. Все, кроме одного. Того, который летел впереди и резко осадил лошадь у нашей телеги.

– Кто такие? И что вы делаете на моей территории? – задал он мне вопрос. А я, протолкнув комок, застрявший в горле, медленно, чтобы не заикаться, ответила:

– Баронесса Васильева Мария Львовна… Выехали на прогулку, – соврала я, скрыв настоящую причину нашей поездки. Как-то интуитивно почувствовала, что лучше промолчать.

– Мария Львовна? – мужчина грациозно и элегантно спешился и подал мне руку. – Позвольте представиться, граф Баранов Александр Владимирович. Прошу простить за то, что невольно напугал вас. У нас здесь разбойники лютуют, приходится быть бдительными.

Я протянула ему свою ладонь, радуясь, что успела стереть пятна сажи. А он вместо того, чтобы пожать руку, как я рассчитывала, склонился и поцеловал тыльную сторону. И первое, что я подумала: «Боже! Как негигиенично!» А потом меня просто накрыло смущение. Я покраснела так, что сердце застучало в мочках ушей. Не привыкла я к таким знакам внимания. И сразу вспомнила, что я не ходила на свидания уже почти пятнадцать лет… И это в прошлой жизни.

Глава 9

А граф был просто бессовестно хорош. Высоченный, худощавый, с аккуратно уложенными, как будто бы он не скакал сейчас, догоняя меня, волосами цвета гречишного меда, острыми скулами, волевым подбородком и пронзительно синими глазами под пушистыми, на зависть девушкам, ресницами. Он весь

излучал элегантность, уверенность в себе и какое-то заслуженное спокойное высокомерие.

Кажется, я что-то пролепетала в ответ. Что-то вроде «благодарю за любезность», а сама пыталась усмирить сердце, готовое навсегда покинуть меня и отправиться вместе с этим красавчиком.

– Мария Львовна, – произнес он все так же ровно, словно ничего не заметил, – ваш опекун совершенно зря отправил вас на прогулку без сопровождения. Здесь небезопасно, и мой долг проводить вас до дома…

Ах, божечки мои! Если он будет ехать рядом, то у меня может и не хватить разумной выдержки. А влюбляться в соседа в мои планы не входит. Да и не посмотрит он на такую, как я… Не особенно высокую, бледную, худущую, как говорят в нашем мире: «доска – два соска», да еще с полуподвижным лицом и хромоногую. Единственное мое достоинство – густые темно-русые волосы до колен, сейчас спрятанные под теплым чепцом.

Но Бог, видимо, решил проверить меня на прочность по полной программе. Не успели мы проехать и пары сотен метров, как одновременно случились два события: заморосил дождь и сломалась ось у моей телеги.

Я не успела даже прийти в себя, как граф одной рукой рывком выдернул меня с телеги, как пробку из бутылки, и усадил на лошадь впереди себя.

– Вы двое, – он кивнул своим солдатам, – остаетесь с кучером, поможете ему. А я отвезу вас, госпожа баронесса, домой. Наслышан о вашем чудесном исцелении, и будет обидно, если вы заболеете из-за моего равнодушия. Я же не ваш жених и не брошу вас в беде.

– Благодарю вас, граф, – прикрыла я глаза, стараясь унять грохочущее в восторге сердце.

Мне очень нравилось в объятиях графа. Я чувствовала его запах, какой-то одеколон с явным ароматом терпкой цитрусовой горечи… Эрл Грей. Он ведь тоже был графом…

Спокойный и уверенный жар его тренированного, я это чувствовала, тела. Рядом с ним мне не страшны были все разбойники мира. Рядом с ним хотелось расслабиться и просто наслаждаться его присутствием.

Конь под нами заходил ходуном. От неожиданности я пискнула и вцепилась в господина графа.

– Не переживайте, Мария Львовна, – с легкой усмешкой произнес он, – я держу вас крепко. И не уроню. Нет, только не вас…

И заглянул мне в глаза… Моя выдержка улетела, помахивая хвостиком. Как будто бы мне сейчас на самом деле восемнадцать.

До замка мы домчали в считанные минуты. А во дворе уже нарисовался мой опекун собственной персоной. Только что приехал, наверное, даже с лошади слезть не успел.

– Господин граф…

– Господин барон…

Скрестили они шпаги. Но мой опекун отступил. Спешился, молча принял меня у графа, помогая встать на ноги.

– Благодарю, господин граф, что позаботились о моей невесте, – выделил он голосом два последних слова. Кажется, я зря подумала, что он сдался.

– Не стоит благодарностей, – ответил ему с легкой улыбкой граф, – но впредь стоит больше заботиться о своей невесте, – подчеркнул он, – Мария Львовна заслуживает внимания.

– Я учту, – склонил голову, обозначая прощальный поклон, мой опекун.

Граф кивнул ему, улыбнулся мне и, слегка наподдав лошади пятками, умчался со двора в сопровождении своих солдат.

Опекун повернулся ко мне:

– Мария Львовна, – с угрозой произнес он, – вам придется объясниться. Пройдемте в кабинет.

И зашагал в замок не оглядываясь.

Черт возьми, кажется, он страшно зол…

– Мария Львовна, – строго начал отчитывать меня опекун, когда за нашими спинами закрылась дверь кабинета, – ваше поведение недопустимо. Вы отправились в неизвестном направлении, взяв с собой только Трофима. Я даже не говорю о том, что это нарушение приличий, но то, что вы подвергаете опасности свою жизнь, умолчать не могу. На дорогах небезопасно, и вы поступили очень опрометчиво, не взяв с собой стражу. Трофим и те стражники, которые выпустили вас, будут наказаны. Впредь, прошу вас, проявляйте благоразумие…

Он еще не договорил, как я зашипела в ответ:

– Не смейте.

– Что? – опешил мой женишок. Он уже сел за стол и теперь смотрел на меня взглядом директора школы, а я взгромоздилась на свое любимое кресло и должна была, по всей вероятности, быть послушной школьницей. Но сегодня в мои планы это не входило.

– Я говорю, – твердо повторила я, – не смейте наказывать стражников и тем более Трофима. Это я велела ему вывезти меня из замка. Вся поездка целиком и полностью на моей ответственности.

– В таком случае я запрещаю вам покидать территорию замка, – закончил разговор женишок. И добавил, увидев, что я недовольна: – Это для вашего же блага, Мария Львовна.

Он взял со стола какие-то бумаги и начал изучать, всем своим видом показывая, что я могу уходить. Но я была с этим не согласна.

– В таком случае можете прямо сейчас отправить меня на конюшню, – меня трясло от злости, хотелось наорать на этого наглеца. Но я знала, тогда он просто посчитает меня несдержанной истеричкой и велит Евстигнею дать мне успокоительный отвар. – Потому что я не собираюсь больше сидеть в замке. У меня есть неотложные дела за его пределами, и я буду выезжать тогда, когда мне надо, и столько раз, сколько мне надо. И все, что вы можете сделать, это выделить мне пару стражников для сопровождения. Хотя я справлюсь и без них.

– Нет, Мария Львовна, – покачал головой охотник за наследством, – я запрещаю. И это не обсуждается. Еще одна такая поездка, и я переведу Трофима на работу в поля.

– Значит, я обойдусь и без Трофима, – теперь уже я закончила разговор, сползла со стула и направилась к двери, – вам не запереть меня в замке, Михаил Андреевич. С этого дня я буду выезжать с сопровождением или без. И вам придется принять это.

– Прекратите истерику, – поморщился он и отбросил документы, – я, как ваш опекун и жених, не могу позволить вам рисковать жизнью на дорогах. Вы не понимаете, что такое разбойники и что они могут с вами сделать.

– Еще неизвестно, что страшнее, – ответила я, злость прошла, оставив после себя холодную ярость, – попасть в лапы к разбойникам или стать женой охотника за наследством. И вы, кажется, забыли, если меня признают дееспособной, я смогу отказать вам в браке!

Кажется, я наконец-то достала его, вон как заблестели глаза, но выдержке барона можно было только позавидовать. В его голосе не слышалось ни капли тех чувств, которые сверкали в его глазах:

– В таком случае, Мария Львовна, вы потеряете наследство, за которое так яростно боретесь. И не думайте, что граф женится на вас, без приданого вы ему не нужны. Его финансовое положение сейчас весьма затруднительно, и внезапное появление в забытом поместье означает только одно: он решил попробовать завладеть вашими деньгами.

– И что? – приподняла я брови, хотя, конечно, было немного обидно. – Это всего лишь значит, что он ничем не хуже вас. И вообще, я лучше сдохну в канаве от

нищеты, чем…

Он перебил меня:

– Вы безобразно выражаетесь. Вам следует с большим вниманием относиться к урокам этикета.

– А не пошли бы вы, – от всей души послала я его в пешее эротическое путешествие.

– Мария Львовна! – вскочил женишок. – Да как вы смеете!

– Очень даже смею, – спокойно ответила я и похромала к двери. Нет, я понимала, что поступила не совсем правильно, но зато на душе у меня было хорошо.

Углежоги привезли золу к вечеру. И на следующий день в мыловарне закипела работа. Вчерашняя злость никуда не делась, но трансформировалась в какую-то решительность. И я решила, что могу попробовать сварить мыло адаптированным к местным условиям горячим способом, чтобы оно не лежало два месяца в отстойнике, а уходило на прилавок через пару дней. Мне нужна была возможность ускорить процесс варки мыла.

Горячий способ, при котором стадия геля, то есть начала реакции омыления, и сама реакция омыления ускорялись во много раз за счет подогрева мыльной массы, не нравился мне и дома. Главным образом потому, что кусочки мыла получались не совсем однородные и ровные.

Готовая мыльная масса гораздо гуще той, что получается при холодном способе, где в форму заливалась мыльная масса до стадии геля. Стадии начала реакции и саму реакцию она медленно проходила почти без подогрева. И на нее как раз уходили те самые два месяца.

Но сейчас мне было плевать на ровные грани кусков и на красивости. Главным стало подать мыло на прилавок как можно быстрее. И что немаловажно, таким способом можно варить мыло даже из тех масел, которые не подходят для холодного способа из-за короткого срока хранения. Из льняного и конопляного… Вряд ли они, конечно, будут твердые, но в качестве полужидкого банного мыла

подойдут отлично.

Эксперимент я неожиданно закончила в тот же день. Успешно. Мне пришлось сварить всего четыре небольшие партии мыла на литр масла, чтобы найти нужные пропорции. Мыло получилось скорее жидкое, чем даже полутвердое. И я решила добавить воды и продавать его на разлив. А что? Пусть будет новшество. Зато цена за один черпачок около двадцати пяти миллилитров, которого достаточно помыться один раз, будет настолько низкой, что такое мыло смогут купить даже не очень богатые горожане. Зато это скоропортящееся мыло ни у кого не прогоркнет, ведь будет расходоваться гораздо быстрее.

Еще на сегодня у меня была запланирована поездка. Без особой цели. Мне просто нужно было показать жениху, что я не шутила вчера в кабинете. Неожиданно оказалось, что этот… нехороший человек… распорядился выпускать меня в дневное время в сопровождении пятерки стражников. И вот зачем, спрашивается, вчера пытался посадить меня под замок?! Неужели нельзя было сразу сказать, мол, езди, невестушка, куда тебе нужно. Тогда я, может быть, была бы благодарна ему за участие. Но не сегодня.

Может, я и не права, но ни капли благодарности к жениху я не почувствовала. Жаль только, что уже довольно поздно, и я не успею съездить в город, отвезти Игнату готовое конопляное мыло… Но ничего, завтра отвезу. Заодно проверю, как он там продает мое мыло. Не нарушает ли условия уговора. А то я всегда верила ему на слово.

Покатавшись вокруг замка, я вернулась в мыловарню. Под ворчание мамы-Васки и при свете свечей сварила еще одну партию конопляного мыла. Завтра надо будет купить пятилтровый бочонок масла на кухню, а то этот я весь извела.

Дешевое разливное мыло пошло на ура. Неожиданно оказалось, что оно пришлось по вкусу не только бедным, но и богатым в качестве средства для стирки и уборки. Спрос был так велик, что третий котел, запасной, я отдала под производство конопляного мыла.

Теперь у меня работало уже четыре человека, и Проньку, как самого опытного, я поставила старшим над всей бригадой.

К Игнату я теперь ездила один раз в неделю. По осени дороги развезло, и поездка отнимала целый день. Но я не жаловалась, слишком явно был виден результат этих поездок. Мы с Игнатом сдружились. Его торговый оборот увеличивался, и он готов был носить меня на руках.

К тому же поездки в город позволили держать руку на пульсе покупательского спроса, узнать, как идут продажи, что спрашивают покупатели, на что сделать акцент в производстве на следующей неделе. Я пришла к необходимости планирования выпуска объема и сортов мыла на неделю вперед.

Игнат честно соблюдал наши договоренности. Мне очень повезло с этим купцом, потому что он сам, на добровольных началах, что в принципе не свойственно купцам вообще, стал моим представителем в городе. И именно благодаря ему мне удалось договориться о поставках свиного и говяжьего жира, конопляного масла намного дешевле, чем я закупала у купцов, привозивших продукты в замок.

За работой незаметно промелькнула дата, обозначающая первый год моего пребывания в этом мире.

Глава 10

А у меня стали появляться деньги, но не так много, как хотелось бы. Первое твердое мыло, сваренное в моих столитровых котлах, только-только стало поступать на прилавок. И это оказалось очень заметно. Все же ведерные чугунки не давали мне нужного объема, и себестоимость мыла выходила почти такая же, как и моя цена. Но зато сейчас я, что называется, почувствовала разницу. И закупила еще два котла. Только в этот раз не стала гнаться за суперхорошими фанкийскими, а взяла наши, русиновские. Рассудила, что лучше купить новый котел, когда этот расколется, чем ждать пять месяцев, как вышло в прошлый раз.

Наняла еще двух рабочих и запустила котлы. Ассортимент в продаже пока не увеличивала, увеличила только объемы. Поняла, что мы с Игнатом продаем большие партии мыла практически так же быстро, как маленькие.

Постоянные покупатели стали брать больше мыла, а новые, получив возможность купить дефицитный продукт, закупали сразу много.

– Игнат, – я в очередной раз приехала к своему купцу, – а не много ли будет мыла на наш город? Не хотелось бы, чтобы оно просто лежало у тебя без продажи.

– Что вы, госпожа баронесса, – улыбнулся довольный Игнат, – вашим мылом давеча граф заинтересовался. Купил несколько разных кусков. И для тела, и для бани, и для уборки. Сказал, ежели правда лучше фанкийского, он завсегда у нас покупать станет. И поинтересовался еще, что за леди Мэри… Я ему не стал говорить, госпожа баронесса, что это вы и есть… Сказал, мол, мое дело маленькое, мне привезли, я продал. А кто там и что… не разумею. Вы уж сами решите, надо али нет знать ему, чья мыловарня-то.

– Спасибо, Игнат, – улыбнулась я. От красавчика-графа больше двух месяцев не было никаких вестей. Я уже думала, что уехал он из наших краев. А вот на тебе. Объявился.

А Игнат был прав. Наше мыло уверенно входило в моду. И покупали его и простые ремесленники, и дворянские усадьбы «для уборки». А мне срочно нужно было дорогое мыло.

Выход мне подсказала моя резчица-упаковщица Марфа. Это случилось аккурат на Рождество.

– Госпожа баронесса, –постучалась она ко мне в кабинет, который я отгородила прямо на мыловарне и который одновременно стал лабораторией, – я хотела вас попросить…

Она вошла, потупилась, ковыряя половицу носком ноги, обутой в лапти – в мыловарне было жарко из-за больших печей даже зимой – и молчала.

– Говори, Марфа, – недовольно ответила я. Я пыталась решить задачу по поиску уникальной добавки в мыло, которая бы позволила увеличить цену и сделать мыло элитным.

– Я… – она покраснела и еле слышно пролепетала, – у моей сестры день рождения. Я хотела подарить ей мыло.

Мои сотрудники покупали мыло по двадцать пять копинок, как и Игнат. Но не больше пяти кусков в месяц.

– По-моему, ты еще не выбрала свои пять кусков, – свела я брови.

Марфа вжала голову в плечи и помотала головой. Нет, мол, не выбрала.

– Я хотела попросить у вас платочек шелковый… старенький какой-нибудь… я в шелк мыло заверну и…

– В шелк, – повторила я и, вытащив себя из-за стола, доковыляла до перепуганной девчонки. – Марфа, будет тебе платочек. Самый красивый подарю!

И от всей души обняла опешившую девчонку.

А все потому, что теперь я знала, как сделать дешевое мыло дорогим. И нет, это не только шелковый платочек в качестве упаковки. Это шелковый платочек внутри…

Мыло с натуральным шелком! Я варила такое в своем мире. Шелк очень сильно ощущается в готовом мыле, придавая ему какую-то особенную шелковистость.

Главной проблемой в нашем мире было купить натуральный шелк, синтетика заполонила все. А в этом времени искусственного шелка пока нет. Значит, я вполне спокойно могу пустить платочек на мыло. И на котел будет достаточно пары платочков. А потом я заверну это дело в кусочек шелковой ткани и выставлю такую цену, которая будет по карману только самым богатым леди.

На ввод новой продукции я потратила два шелковых платочка. Один отдала Марфе, а второй пустила на опыты, причем от него осталось больше половины.

Под шелковое мыло мне пришлось снова закупать котел и ставить еще одного рабочего. Всего работников у меня уже было десять человек: три на фанкийских котлах, три на русинских, один на ведерном для дегтярного мыла, Марфа для

резки и упаковки в деревянные ящики, и двоих я совсем недавно, после того как опробовала в деле русинские котлы, поставила на изготовление поташа.

Дегтярное мыло появилось тоже совсем недавно. Сама удивляюсь, почему эта идея сразу не пришла мне в голову. Это же шикарный вариант: не нужно ни красить, ни ароматизировать, а продавать можно как средство от кожных заболеваний и насекомых. Но еще неизвестно, как начнут покупать этот новый сорт, все же запах очень специфический, нужно, чтобы люди привыкли и распробовали, поэтому и начала с маленьких котлов. Ведь этот путь я уже испытала.

Пронька уже некоторое время был старшим среди моих работников и неплохо справлялся. И я стала думать, что совсем скоро мне нужен будет управляющий. Но нанимать кого-то со стороны не хотелось. Слишком много секретов в моей мыловарне.

Я предложила Проньке готовиться к новой должности. Паренек, конечно, немного растерялся, но я видела, как вспыхнули его глаза, когда я рассказала о перспективах.

Единственным препятствием к должности стала неграмотность Проньки. Но я решила этот вопрос просто – наняла учителя. А чтоб добро не пропадало, заставила учиться всех своих рабочих. Получился у меня такой кружок ликбеза.

После этого престижность моей мыловарни как места работы среди местной молодежи взлетела до недосягаемых высот. И я сразу заметила, как улучшилась дисциплина и как сами мои ребята стали по-другому относиться к своим обязанностям. Это навело меня на определенные мысли.

И мы с поверенным моего опекуна, который негодовал и сопротивлялся до последнего, составили первый в этом мире трудовой договор, в котором, помимо карательных мероприятий, прописали и поощрительные. В том числе оплачиваемый двухнедельный отпуск.

Пока я ни с кем его не подписала, но это было дело недалекого будущего. Я приняла решение, что весной, как только подсохнут дороги, буду переводить мыловарню в город. Ресурс конюшни в замке я выбрала полностью. Мне уже не хватало места. Зиму как-нибудь еще протяну, а потом все.

А пока я занялась поиском подходящего помещения с большим земельным участком, чтобы в случае необходимости была возможность построить дополнительные цеха.

Я была занята практически круглые сутки и иногда забывала даже поесть. Если бы не мама-Васка, которая бесцеремонно ставила передо мной тарелки с едой, то, наверное, умерла бы с голоду.

Мне некогда было думать ни о собственном женихе, ни о графе, ни даже о наследстве. Мыловарня забирала все время и все мысли без остатка. А вот они обо мне не забыли. Оба.

И в один прекрасный день, вернувшись от Игната уже затемно, я увидела недовольного жениха, дожидавшегося меня прямо у ворот замка.

– Госпожа баронесса, – увидев меня, он выдохнул с явным облегчением, – пройдемте в мой кабинет, у меня к вам есть несколько вопросов.

Я обреченно вздохнула. Больше всего мне сейчас хотелось есть и спать, чем устраивать разборки с опекуном. И что он вообще вспомнил обо мне? После того случая, как я послала его на три известные буквы, мы больше и не общались. И меня все устраивало. И вот на тебе, обо мне вспомнили снова.

Мы прошли в кабинет гуськом и расселись на свои места. Жених молчал. Я думала о том, что Игнат присмотрел мне отличное место. Окраина города, за крепостной стеной, огромный участок, и в случае чего его можно будет расширить практически неограниченно… Но вот строение на участке слишком ветхое и убогое, чтобы перевозить туда мыловарню. Нужно будет ломать эту развалюху и строить все с нуля. Это минус. Ведь придется ютиться в замке еще какое-то время, пока идет стройка. Но и шикарный плюс. Я смогу спроектировать будущую фабрику, а я именно на нее и замахивалась, так, как сама посчитаю нужным.

Я прикрыла глаза и представила себе весьма ближайшее будущее: огромные цеха, ряд котлов, в которых варится сразу десяток сортов мыла. Узкие коридоры между стеллажами на складе, где созревают аккуратные бруски мыла. Упаковочный цех с вереницей столов, и молодые девчонки режут и фасуют мыло

в деревянные ящики, прокладывая стружкой. А еще я планировала…

– Мария Львовна, – жених прервал меня на самом интересном месте, – я полагаю, что вы достаточно наигрались в мыловарню, и вам пора прекратить тратить время на это бестолковое занятие.

– Что?! – опешила я.

– Ваши учителя жалуются, что вы практически не посещаете занятий, забросили вышивку, танцы, не ходите в церковь… И вообще, вы слишком много работаете, а в вашем состоянии это очень вредно. Лекарь утверждает, что так и до нервного срыва недалеко. Поэтому я закрываю мыловарню.

– Вы не можете это сделать! – мне стало плохо, потому что понимала: да, может. Все мои договора в силу моей недееспособности подписывал этот… это… нехороший человек.

– Я уже это сделал. Мой поверенный завтра с утра уведомит всех о расторжении договоров.

Это был конец. Крах всему. Всем моим мечтам и надеждам. Я чувствовала себя как будто бы меня растоптали, размазали по полу и, смеясь, попрыгали. Чтобы уж точно не встала.

– Но почему? – прошептала. – За что?..

– Мария Львовна, – сволочь успел выйти из-за стола и теперь присел на корточки перед моим креслом, – Маша, – взял он меня за руки, – это для вашего блага, я забочусь только о вас и вашем здоровье. Васка уже не единожды жаловалась, что ваша мыловарня занимает слишком много времени. И, уж простите, я проверил финансовые отчеты моего поверенного, толку от вашей деятельности нет никакой. Ваши заработки едва покрывают расходы…

– Я вас ненавижу, – я вырвала ладони из его рук и встала, – как же я вас ненавижу.

Я выбежала из кабинета и помчалась к себе в покои не разбирая дороги. Больше всего на свете я боялась расплакаться. Нет. Я не порадую эту сволочь слезами.

Я почти не видела, перед глазами все плыло, но я смогла сдержать рыдания. И только когда за моей спиной закрылась дверь спальни, а я с разбега рухнула лицом в подушку, я позволила себе выплакать всю свою боль.

– Маруся, девочка моя, – запричитала вокруг меня мама-Васка, – да что ты так распереживалась-то? Да на кой тебе сдалась мыловарня эта… измучили же тебя совсем. Ни дня покоя нет от Проньки да от Игната твоего. Только и бегают, Мария Львовна то, Мария Львовна это… А углежоги? Это же, Марусенька, разбойники. А все туда же, так и норовят кровиночку мою побеспокоить. Похудела вон как… бледненькая стала совсем…

– Мама-Васка, – прошептала я, – как ты могла?! Как могла пойти к нему?! Ты все сломала! Все сломала!

– Деточка, да я ж как лучше хотела, – мама-Васка попыталась обнять меня, а я еле сдержалась, чтобы не оттолкнуть. В тот момент я просто ненавидела ее.

– Как лучше кому? – прорыдала я.

– Ну так тебе, – вздохнула она, – измучилась же вся…

– А меня ты спросила? Меня ты спросила, как будет лучше для меня? Или ты решила, что я дура слабоумная и не понимаю ничего? И не могу понять, что для меня лучше…

– Ну так… измучилась же… не ела… не спала, – бормотала мама-Васка…

– Уйди, – попросила я, – лучше уйди… видеть тебя не хочу.

Я проревела до самой ночи. А потом встала, вытерла слезы. Надо было что-то делать. У меня еще есть время до утра.

Вариантов у меня в принципе было немного: либо договариваться с этим опекуном, либо с другим. Но тогда придется сначала грохнуть этого. Прямо

сегодня ночью, чтобы утром Дмитрий Федорович не успел расторгнуть договора.

И я даже обдумала эту мысль. Но пришла к выводу, что другой опекун может быть гораздо хуже этого. Этот хотя бы за почти полтора года доказал свою лояльность ко мне лично. А значит, нужно было договариваться. И предлагать свою цену… Дорогую… Самую дорогую.

Сняла измятое платье, без мамы-Васки это оказалось не так легко. Нашла в сундуках самую красивую и тонкую сорочку, полупрозрачную… Она была предназначена для первой брачной ночи, как мне говорила мама-Васка. Расплела и расчесала волосы, оставив их распущенными, накинула халат. Меня затошнило… Черт возьми… Как же мне плохо… Как же я его ненавижу… Я не готова заплатить ему собой. Нет. Никогда и ни за что. Лучше я сдохну в канаве, чем лягу к нему в постель.

Я заметалась по спальне… Что же мне сделать?!

– Маруся? – мама-Васка заглянула в приоткрытую дверь… И, увидев меня, ахнула. – Ты что удумала?! Да разве ж можно так? Марусенька, а как же честь девичья?

– А так же, как наследство папенькино, – огрызнулась я. Как она может теперь судить меня, после того как сама все испортила, – зачем ты пошла к нему?!

– Марусенька! – разрыдалась мама-Васка и кинулась мне в ноги. – Девочка моя! Да как же так-то! Я же о тебе заботилась! О тебе думала! А ты… прости меня, дочка… прости дуру старую… не ходи ты к нему! Не позорь честь свою девичью…

– Да успокойся ты! – рыкнула я на нее. – Хватит уже валяться, вставай, помоги мне. И, мама-Васка, запомни! Никогда и никто не будет решать за меня! Ты поняла?! Я взрослая и самостоятельная личность, а не убогая слабоумная девчонка, как раньше. Поэтому, если узнаю, что ты хоть слово сказала ему, не спросив меня, прогоню. Ясно?!

Рыдающая старуха беспрестанно кивала, скорее всего, она не слышала и не понимала, что я говорю. Но и я не могла остановиться. Слишком зла была. Слишком сильно ударила меня та, кому я доверяла в этом мире больше всего.

Пусть и продиктовано это было ее пониманием заботы, мне от этого совсем не легче. И придется выпутываться из всей этой ситуации…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cvetkova_alena/mylovarnya-ledi-meri

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити